

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

КОНВОЙЦЫ

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ВРАГ ТОТ, КОТОРОГО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ...

Андрей Олегович Белянин
Конвойцы
Серия «Линейцы», книга 2
Серия «Фантастический
боевик. Новая эра»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69182539

*Конвойцы: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; М.,
2023*

ISBN 978-5-17-154416-4

Аннотация

Вновь два наших современника, студенты-историки Василий Барлога и Заурбек Кочесоков, русский и черкес, вынуждены прыгать в седла и спасать мир. Но если линейцы из них получились хоть какие-то, то как войти офицерами в Собственный Его Императорского Величества Конвой? Это же элита русской иррегулярной кавалерии! Лучшие из лучших! Куда уж там Васе с Зауром...

И если бы не добродушный казак дед Ерошка и его строгая внучка, стреляющая с двух рук без предупреждения, вряд ли бы наши герои смогли выжить на пылающем Кавказе девятнадцатого века.

Но приказ есть приказ – кони оседланы, шашки на боку, папахи набекрень, верный шайтан Ахметка крутит хвостом, и любые враги уже не кажутся такими страшными. А зря!

Вы забыли, что самый страшный враг тот, которого ты не знаешь...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

93

Андрей Олегович Белянин

Конвойцы

© Андрей Белянин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

...Ну что тут скажешь, история оборвалась на самом интересном месте.

Татьяна одним метким выстрелом из длинного казачьего пистолета с турецким замком разнесла голову странной, но жутко агрессивной инопланетянке, притворявшейся милой библиотекарейшей. Тем не менее, в свою очередь, та успела активировать и взорвать какую-то хрень, так что по юго-западу Москвы гроыхнуло неслабо!

Саму храбрую казачку горячей волной словно пушинку откинуло назад, крепко приложив затылком о пластиковый мусорный ящик на заднем дворе кофейни. Заур и Барлога кинулись приводить спутницу в чувство.

Огнище, если вы поняли...

«... – Нашатырь есть?»

– Есть пот из-под мышки.

– А если без зверств?

- Тогда сейчас же расстегнуть ей одежду и искусственное дыхание! Да плюс непрямой массаж сердца.
- Что делаете вы, а что я?
- Шикардос! Выходит, один ее целует, а другой лапает.
- Да, как-то неприлично получается. Давайте просто по щекам похлопаем?
- Только осторожно...»

Но я все это уже слышал, поэтому даже позволил себе пару недоверчивых комментариев. Во-первых, как это на вас, парни, ни царапинки? Во-вторых, что, на звук выстрела и грохот взрыва не откликнулась ни одна полицейская машина? Да не лечите меня, там как минимум должны быть видеокамеры наружного наблюдения. Как бы засада получается, пацаны, я вас по уши уделал...

Василий чуть не согнулся в хохоте, а его товарищ вежливо объяснил, что синяков у них еще с прошлой драки было предостаточно, что стрельба на кавказских свадьбах в Москве самое обычное дело, а что конкретно там снимали камеры, они лично понятия не имеют, но когда полицейские все же соизволили заглянуть, то...

Уже не важно, потому что Татьяна очнулась:

- Хлопчики, а что это за тварина такая на вас пасть раззявила? Чем вы девку-то до такого лютого злобства довели? Поди у вас с ней чегой-то было?
- Огнище! – всплеснул руками Барлога. – Заур, дорогой,

смотри, она попала в будущее на три столетия вперед, перед ней раскрыт мир нереальных возможностей, но нашу Танюшу волнует, было не было у нас с этой паскуд... нехорошей тетенькой чего-нибудь неприличного?!

– Я думаю, это стресс.

– Полагаешь?

– Зуб не дам, но вспомните нас с вами, переброшенных в девятнадцатый век.

– Помню, ты ныл.

– Неправда!

– Правда.

– Потому что в отличие от вас, я трезво оценивал ситуацию!

Пока наши главные герои традиционно мерились всем чем возможно и расставляли приоритеты, юная казачка привычно перезарядила пистолет (мало ли?), проверила кинжал в ножнах и в три шага подошла к вонючей буро-зеленой луже, оставшейся от странной девушки.

Лужа, кстати, довольно большая, метра на два в квадрате, хоть и не глубокая. Трогать жижу пальцем Татьяна не стала, но бросила в центр смятую пачку из-под сигарет, поднятую у мусорного бака. Пачка сгорела в пепел, едва коснувшись вонючей поверхности...

– Ох ты ж, прости меня господи, дуру грешную! Так что она за нечисть такая, ась?

Парни опомнились, переглянулись, и владикавказец лег-

ким поклоном передал пальму первенства второкурснику.

– Ладно, чё, попробуем разобраться, – Василий взлохматил непокорные кудри и решительно рубанул рукой. – Эта тварь не из нашего мира. Как я понял, она с планеты нунгалиан, которые в свою очередь конкурируют с анунаками. Их мы успешно выгнали с Кавказской линии, но оказывается, что вот эти дожили и до нашего времени. Не хочется строить теории заговора, но не из-за них ли вечно воюют люди? Кто подписал договор Гитлера с Дьяволом? Заурка, молчать, я его видел, в музее в Праге он есть!

Кочесоков стиснул зубы, удерживая себя в руках.

– Кто толкнул Америку в братоубийственную войну? Кто заставил весь мир поверить в военный гений Наполеона? Кто вдохновил конокрада Распутина править царской семьей? Если вам не хватает доказательств, то вспомните хотя бы Ельцин-центр... Вот уж где не обошлось без вмешательства инопланетян!

– Эй, джигит, а ежели я не бумагу, а вона хоть ту деревяшку брошу?

– Только по-тихому, Вася вещает...

Кусок от сломанного деревянного ящика точно так же сгорел в считанные секунды.

– Железку бы какую...

– Ящик пластиковый.

Василий тем временем бодро описывал все известные ему места посещения Земли инопланетянами, невозможные

строительства, необъяснимые войны, таинственные объекты, что, как ему казалось, могло оказаться важным в данной ситуации. Вот тут-то их как раз и накрыла доблестная российская полиция.

– А что, собственно, здесь происходит, граждане?

С этой фразы ситуация резко пошла под откос, потому что стражи порядка обратили внимание на вооружение всей нашей троицы.

– Ролевики, что ли? Подошли быстро к машине, предъявили, что там у вас.

И если оба студента не задумываясь сделали шаг вперед, то горячая казачка, наоборот, выхватила перезаряженный ствол.

– Вы сами-то кто, чтоб невинных людей хватать?

Поставь она вопрос иначе, и все можно было бы перевести в шутку, но поздней ночью полиция тоже устает, а потому реагирует нервно:

– Гражданка, опустите пистолет, поднимите руки вверх и...

– Да кто ты есть, чтоб терская казачка при тебе руки поднимала?!

Вася и Заур бросились назад, дружно пытаясь удержать девушку от прицельного выстрела. Они успели, это да, тут спорить глупо, но и Татьяна, невольно оступившись, вдруг попала каблучком сапожка в ту самую подсыхающую лужу.

– Чей-то? – только и успела спросить она, как жидкость

втянула ее по пояс.

Барлога поймал ее правую руку, Кочесоков ловко перехватил за пояс друга, как в сказке про репку, и...

– Были же здесь?... – только и смогли выдохнуть московские полицейские, глядя на быстро впитывающуюся в асфальт грязную, зеленоватую лужу.

...Как вы понимаете, на этом наше повествование могло бы закончиться самым естественным образом. Ну вроде как инопланетная сила отомстила за собственную смерть и вот смогла-таки убить трех героев путем поглощения оных же.

Меня бы оно, кстати, устроило. Всегда есть ряд недовольных читателей, которых, видите ли, не устраивает, что главный герой жив. Им подавай трагическую смерть, ибо без слез, горя и драмы в книге смысла нет! А вот когда все сдохли, то аж прям есть!

Разочарую...

Первое, что увидел Василий, раскрыв глаза, это русский, солдатский штык, направленный ему в лицо. Видимо, то же самое оценили и остальные, поскольку наша тройка лежала на сырой земле, у самого края военного лагеря российской армии. Как там было в песне: «А вы не ждали нас, а мы приперлися...»

– Под арест их, братцы.

– Что ж, и офицера тоже?

– Чему ж нет?

– Дак их благородия потом и в рыло могут, без запросу...

– А казачку куды?

– Уж не туды, куды глядят твои муды! С казаками шутки плохи, они за своих башку снесут не глядя и извинения не попросят...

– Так что, тока единого черкеса в оборот берем?

– Дура! Раз он с ними, то поди офицерский кунак. А с кунаками у их благородий особые отношения. Ихнего кунака тока тронь, враз из теплой Грузии в холодную Сибирь загремишь...

– И вот чо тады делать-то, дяденька? – в полном отчаянье завершил диалог молоденький солдатик лет восемнадцать, все еще крайне неуклюже обращающийся с большим ружьем.

– Всем встать! Во фрунт! Как агентов тайного фронта встречаете, сучьи дети?! – поднимаясь в полный рост, с облегчением рявкнул студент второго курса исторического факультета московского вуза. – А ну, позвать ко мне старшего офицера не ниже капитанского чину! И это, чаю подайте, заодно уж...

Разумеется, никакого «тайного фронта» в русской армии на тот исторический период не было. Но, с другой стороны, уж кто-кто, а простые солдаты точно не могли этого знать. Поэтому подняли ружья на плечо и вытянулись перед грозным Барлогой и его спутниками.

– А что ж, ребятушки-солдатушки, кто у нас нынче глав-

нокомандующий?

– Его превосходительство генерал Алексей Петрович свет Ермолов! – в едином порыве прокричали шестеро бойцов. – А тока говорят, что будто снимают его, заступника нашего, покорителя Кавказа...

Василий обменялся тревожным взглядом с первокурсником, вспомнил историю и решительно приказал:

– Двое идут со мной. Девицу не трогать, с черкеса глаз не спускать. Заурка, не трусись, так веселее. Походным шагом все марш-марш к палатке Алексея Петровича, он нас ждет.

Переглянувшись, солдаты дружно решили, что офицерский приказ звучит разумно и компромиссно во всех случаях. Четверо остались сторожить подходы к военному лагерю, а двое неспешно шли вслед за нашими героями, на всякий случай держа ружья стволом в сторону. Ну, чтоб не дай бог оно не пальнуло не вовремя.

Солнышко клонилось к закату, изумрудные вершины гор казались залитыми расплавленным янтарем. Розово-голубые облака украшались снизу золотыми гумилевскими кружевами. Воздух был так чист и свеж, что буквально силой вытеснил из легких остатки московского смога меньше чем за минуту.

Сам лагерь на первый взгляд ничуть не изменился со времени первого визита сюда московских студюзусов. Все так же располагались отдельными шатрами части артиллерии и пехотные полки, так же в стороне стояли диковатые табунки

казачьей конницы, на ужин готовилась простая пшенная каша с салом и сухарями, от офицерских палаток шел легкий аромат дыма и самогонки, где-то тренькала балалайка, в общем, военная машина была стабильна, отлажена и практична во все времена.

Полковой оркестр грузинской милиции натирал мелом трубы, стучали молотки в походной кузнице. Артиллеристы не отходили от своих пушек дальше десяти шагов, над госпиталем реял белый флаг, свободные от службы ветераны в белых рубахах поучали молодежь простым солдатским премудростям.

Одной из первых было – не лезть не в свое дело...

– А чтой-то, братцы, офицера ведут?

– Кой те ведут? Энто он их ведет.

– А татарину почему руки не связали?

– Да ты на рожу его глянь, вона как глазищи сверкают, тока сунься.

– А девка хороша-а! Под молочко бы с булочкой, на печку с такой дурочкой...

– Сам дурак! Она ж казачка!

– Ой, ой, ой и чо?! Терская, гребенская али кубанская?

– А казакам оно не единый леший? Кто рядом будет, тот те и все причиндалы враз шашкой срубит! Да еще скажет, что так оно и было! Казаки, что горцы, шуток не понимают...

Видимо, и тот парень из центральной части России тоже не очень понимал, поскольку подошел гоголем и, заигрывая,

подмигнул Татьяне. Девушка, не ускоряя и не замедляя шаг, до половины потянула кинжал из ножен. Претендент опал с лица, а больше желающих по пути не нашлось. Вася злорад-но переглянулся с Зауром, вот такую дедову внучку они зна-ли и любили оба.

У знакомой палатки навстречу им бросились двое моло-дых офицеров.

– Англичанин?

– Но, но, попрошу, не доводите до дуэли, – Барлога даже не задумался, что у него нет оружия. – Я русский и прибыл по секретному заданию. Доложите, Алексею Петровичу, что линейцы прибыли.

– Кто?

– Линейцы.

– И что же-с, нам прямо главнокомандующего трево-жить-с? – начал было выделяться один, но в тот же момент был сбит с ног и придавлен коленом в грудь бешеного чер-кеса с незаконченным высшим образованием.

– Ты что, не слышал, что мой кунак сказал? Ты смерти ищешь, а? Я тебе горло вырызу, голова отрежу! Так сказал, патаму что так хочу!

Два ружья и еще и с десятков клинков со всех сторон уста-вились на горячего владикавказца, но Василий широким же-стом развел руки в стороны и дружелюбно улыбнулся:

– Давайте не будем нагнетать, господа! Заурка голодный, а потому нервный. Кто поделится фрикасе из рябчика в сли-

вочном соусе? Никто. Ну и ладно, тогда позовите полковника Драгомилова, он нас знает.

– Ранен наш Драгомилов, сердечный друг, – густым басом ответили из скромной солдатской палатки. – Лейтенанты из другого века, вернулись? Ну так жду вас уже который день!

– *Что у нас?*

– *Они вернулись, о Верховная!* – склонилась Нижняя.

– *Сегодня называй меня Госпожой.*

– *Слушаюсь, о Госпожа!*

– *Теперь повтори, – удовлетворенно качнула граненой головой Верховная.*

– *Они вернулись!*

– *Это невозможно...*

– *Кто посмеет лгать Госпоже?*

– *Верховной, – противореча сама себе, буркнула Госпожа. – Итак?*

– *Наша сестра убита.*

– *Она прошла подготовку в лучших диверсионных школах, участвовала в сотне операций, ее уровень перевоплощения один из самых высоких, разве нет?*

– *Увы... ее убил кусок свинца, выпущенный из примитивного порохового оружия, пробивший лобную кость и невосстановимо разрушивший мозг.*

– *Даже такой маленький? – усомнившись, Госпожа облизнула губы, представляя на языке кислый вкус зеленой*

крови Нижней.

Пусть это выглядело не слишком вдохновенно, но своя прелесть в этом откровенно читалась.

– Выстрел был очень точным, Госпожа.

– Где мы остановились, зайка моя?

– Смилуйтесь...

– Я задала вопрос.

– Мы... мы на том же месте, где стоял межзвездный крейсер анунаков. Раньше тут проходила Линия. На эту землю все еще опасаются заходить местные...

...Генерал Ермолов поочередно обнял каждого, по-отечески трижды облобызав в щеки. Наверное, об этом человеке стоило писать отдельные книги, снимать фильмы, воспитывать на его примере в школах – чести, патриотизму и верности родине. И оно бы работало, уж поверьте.

Покоритель Кавказа, враг предателей, защитник мирных горцев, герой, никогда не склонявший непокорной головы перед любым врагом, не боящийся ни пули, ни ядра, ни клинка, воин, не побоявшийся опалы самого государя, даже будучи осужден несправедливо, все равно ни на миг не отказавшийся от службы великой России. Второго такого еще попробуй поищи.

– Садитесь оба. А ты что ж, внучка, тут замерла?

– Дед мой, Ерощка... – девушка качнулась, сбилась, на секунду в ее голосе послышались слезы.

Ермолов сделал два шага вперед, обнял ее за плечи и, погладив по голове, с мягкой улыбкой ответил:

– Да жив он. Еще вчера чечены с почетом до наших дозоров доставили. На дорогом, кабардинском коне, с подарками, черкеска при нем новая, кинжал да шашка в серебре, сам перевязанный, бледный, но довольный. У казачков ваших его ищи.

Вот только Татьяна стояла тут, а вот лишь столбик пыли закружился и нет ее. Пластунская школа, что уж тут скажешь...

– Ваше сиятельство, а позвольте-ка доложить прямо вот все и по порядку?

Генерал дождался прихода адъютанта с самоваром, сам, не чинясь, помог ему расставить глиняные кружки на раскладном походном столе. Рубленые куски белого сахара, ржаной хлеб, тонко нарезанное серое сало. После чего приказал их не беспокоить и никого к нему не пускать!

– Голодные, поди? Ешьте, я через пару минут буду.

Он вышел из палатки и буквально в ту же секунду опять вошел в нее, приподняв полог задней стороны.

– Ни о чем не спрашивайте! Лихие дела у нас тут творятся, так сначала ваш доклад. Ешьте, но говорите!

Барлога покосился на поднос, потом на товарища, но тот отрицательно помотал головой. Правильно, зная Алексея Петровича – дело превыше всего! Оба студента вытянулись, выпятили грудь и в краткой, но деловой форме доложились

об освобождении Линии.

Про стальных соколов и черных абреков, про роботов и инопланетян, про чужое оружие и цистерны с кровью, про жаркие сражения, про космический корабль, про обман и умение держать слово, про отвагу местной нечисти и...

Впрочем, вот тут нет! О помощи героического шайтана Ахметки и скелетов из Мертвого аула наши ребята разумно предпочли не распространяться, а вот о роли чеченского отряда под руководством легендарного Измаил-бея рассказали в деталях. Про то, как выводили пленников из космического корабля, тоже.

Ермолов медленно покачивал головой, но не перебивал ни разу. Он умел ценить храбрость, даже если это храбрость врага. О доблести чеченцев, черкес, осетин, грузин и местных татар генерал от инфантерии был отлично осведомлен сам. Тем более что его звезда, увы, клонилась к закату.

Невзирая на многочисленные заслуги, любовь солдат, да и простого люда, а может именно из-за этого, человека с гривой льва, от голоса которого содрогались горы, было решено убрать с театра военных действий. Как сейчас бы сказали, либеральная общественность и подковерные игры прозападной клики в Петербурге сделали свое дело...

– Что ж, службу вы исполнили с честью. Жалую всем четверым кресты Святого Георгия, – Алексей Петрович достал небольшую шкатулку из походного сундука и, откинув крышку, показал новенькие награды. – Сам отдам, если че-

рез военное ведомство приказ пойдет, так вы их, может, и вовсе не получите.

– Бюрократия? – понимающе хмыкнул Барлога.

– Нет, просто не доживете.

И прежде чем ребята вообще поняли, что происходит, голова Ермолова прекратилась в уродливую, зубастую ящерообразную морду. Меж узких губ высунулся длинный раздвоенный язык.

– Мы благодарны вам за помощь в изгнании анунаков, но дальше мы сами...

Снаружи раздался знакомый голос, но прежде чем парни успели хотя бы позвать на помощь, монстр в генеральском мундире схватился за большую гусарскую саблю.

– Вася, не вздумайте, нам нужно взять его живым! – успел крикнуть владикавказец, увертываясь от рубящего удара сверху.

– Прости, Заур, в другой раз, – и Барлога не задумываясь опустил на голову жуткого врага пятилитровый самовар.

Вой был такой, что парни чуть не присели. В ту же минуту полог палатки откинула могучая рука, и Алексей Петрович Ермолов пистолетным выстрелом в упор добил ящероподобного уroda.

– Живы?

– Так точно.

– Не поцарапан ли кто?

– Храни Господь! Упаси Аллах, – в один голос ответи-

ли московские студенты. – А что тут у вас вообще происходит-то?

– Никого не пускать! – еще раз повторил тот же приказ уже настоящий Ермолов. – А происходит у нас, линейцы, такое дело, что и на минуту вый ти нельзя, не знаешь, с какой стороны вернешься, а главное, с кем потом разговоры разговариваешь. Ну-ка, оба кресты поднимите?

Заур и Вася без проблем помогли собрать рассыпавшиеся серебряные кресты. Генерал не сводил с них глаз, в смысле ни с ребят, ни с «георгиев».

– Вражины эти у нас второй день лютуют, – пнув бездвижный труп, пояснил он. – Откуда взялись, не знаем, чего хотят – тоже. Однако же в человека любого превращаются так, что и сама мать родная не отличит! На офицеров зубы целят, раненые есть. А вы что ж?

– Явились с докладом к вашему сиятельству по поводу разрешения загадки Линии!

– Так докладывайте!

– Так мы уже... – студенты покосились на ящера в генеральском мундире.

– Ладно, – смилостивился Ермолов, сам перезаряжая пистолет. – Раз вы серебро трогали и руки не обожгли, стало быть, все в порядке. А теперь, молодые люди, порауйте старика, повторите доклад ваш еще разок. КОМУ СКАЗАЛ?!

Естественно, спорить с таким человеком не рискнул бы никто. Барлога и Кочесоков, поддерживая, но не перебивая

друг друга, еще раз с большими подробностями и деталями рассказали о своих приключениях на Линии. Генерал кивнул и вдруг неожиданно потребовал:

– А теперь все про ваше баловство с нечистой силой. Мне дед Ерошка еще вчера такого наговорил, хоть в Святой Синод прошение пиши, чтоб они вас по отдельности в дальние монастыри засунули, грехи отмаливать!

– Вообще-то мы все вместе были...

– Так Ерошка в первую очередь за себя и просит! Дескать, стар он такое терпеть, отпустил бы я его душеньку на покаяние...

– А Татьяну? – осторожно уточнил Заур.

– Сложно с девкой в армии, – так же неторопливо ответил суровый генерал. – Пока казаки рядом, ее никто в обиду не даст. А выйди она в село какое, в деревню ли, в город, что будет? Засмеют, да еще и погонят с позором. Не принято у нас женщинам воевать.

– Я бы счел уместным напомнить о Надежде Андреевне Дуровой, как о героине войны тысяча восемьсот двенадцатого года, – важно вступился за друга Василий.

– Кавалерист-девица? Как же, видел лично...

– Так вот...

– А чем она закончила? – вдруг перевел тему Ермолов. – Вы ж из будущего, так расскажите, раз уж все знаете.

– Огнище, – Василий заткнулся сразу, именно потому что он знал.

Судьба вышедшей в отставку Дуровой была печальна. Ветеран трех войн, она вроде как вышла замуж и даже родила сына, но развелась, всегда носила мужской костюм и требовала от окружающих, чтобы к ней обращались как к мужчине.

Трагедия человека, родившегося раньше своего времени. В наши дни она бы прекрасно служила в женских частях российской армии, хоть в разведке, хоть в связи, не травмируя общественным мнением ни душу, ни тело. Но увы, история повторяется по спирали, а не по замкнутому кругу...

– Ну, если чего не знал, так и знать не хочу, – решительно рубанул ладонью генерал-лев. – Раз уж вы с Линией такую службу отечеству сослужили, то попрошу вас, дети мои, не оставить и в последние дни моего пребывания на Кавказе. Враг у нас ныне новый, хитрый, коварный, личины меняющих. Посему приказом по войску перевожу вас из простых линейцев в почетные конвойцы!

Оба наших студента мысленно прокляли все на свете, поскольку, даже на миг вернувшись домой, в свой мир, в современную Москву двадцать первого века, они никак не собирались обратно, в горнило кровопролитных кавказских войн, да еще и против непонятных ящеров-трансформеров.

Но прежде чем тот или другой четко сформулировали причины, по которым они «вынуждены отказаться от такой чести», в палатку кубарем влетел молоденький адъютант.

– Ваше превосходительство, приказали-с никого не пус-

кать, а там девушка со стариком.

– И что? – невольно улыбнулся Ермолов.

– Так они ж казаки, невоспитанные люди-с, такту никакого, я им – нет-с, а они мне в морду-с!

– Зови!

– Слушаюсь!

– Стой, и вот эту погань унеси отсюда, прикажи по-тихому сжечь.

Адъютант ойкнул, выбежал наружу, тут же вернулся с парой солдат, завернувших труп ящероголового в старую шинель. А вот когда они вы шли, то минутой позже в палатку заглянули старик с внучкой.

Правая рука Татьяны лежала на серебряном кинжале, а дед Ерошка многозначительно постукивал пальцами по серебряному убору шашки. С одной стороны, бахвальство чистой воды, но с другой – хотя бы понятно, что перед нами не оборотни, а живые люди.

– Вот и свиделись, хлопчики, – по молчаливому согласию генерала дед Ерошка распахнул объятия, крепко обняв и расцеловав счастливых ребят в щеки, по православному обычаю. – Велик Господь на небе, управил вас внучку мою возвратить. За то в вечном долгу перед вами останусь...

– Какие долги, дедушка, – в один голос всхлипнули Вася с Зауром. – Вы ж нам родня практически. Честное благородное!

В общем, какое-то время все обнимались, хлопали друг

друга по плечам, вспоминали прошлое, даже чуть не всплакнули ненароком, потом перевели все в смех, и лишь начальственное нетерпеливое покашливание вернуло наших героев лицом к реальности.

– Ну что ж, раз уж все вы, люди линейные, ко мне тут собрались, так беру вас на новую службу и быть вам отныне в конвое!

– Да ты в уме ли, Ляксей Петрович? – напрямую ляпнул никогда не сдерживающий себя старик. – В конвой государев самых наилучших ребят из станиц берут по всей матушке-России. Или из народов гордых – крымцев, черкесов, грузин, но чтоб возрастом не старше тридцати, и при стати, и подвигами прославленные, и лошади достойные, и сами не бедные, как бы между прочим уж... Ить, сам суди, где там мы, а где конвойцы?!

Первокурсник из Владикавказа, честно говоря, вообще был не в теме. До знаменитого опыта перековки врагов в друзей, заложенного еще русскими императорами, он просто не дошел по учебе, а родители, возможно, забыли рассказать мальчику о «конвое». По факту же это уникальное в смысле доверия, логики, понимания человеческой психологии и чести предприятие.

На секунду задумайтесь, русский царь доверял свою личную охрану покоренным им же народам! Абсурд?! Ведь если в твоём сердце горит месть к завоевателю, то неужели ты не отомстишь ему за все страдания твоих же близких? Один

удар в спину и...

Но происходило другое. Сыновья покоренных крымских татар, чеченцев, черкес, видя, что русский государь уважает их, верит им, оставляет свою жизнь в их руках, – дрались за него с утроенной храбростью! В царском конвое храбро служили даже сыновья замиренного имама Шамиля!

Честь была для них важнее всего, и стоит вам полистать страницы истории конвойцев, так сказать, «стоявших у государева стремени», вы поразитесь, какие замечательные люди там находились, какие подвиги совершали, как покрывали себя славой в каждом отчаянном сражении!

Ну или для сравнения просто вспомните, как прямо сейчас воюют чеченцы за нашу общую родину. В одном строю с ополченцами, казаками, добровольцами и регулярной армией, прикрывая и спасая друг друга, не сдаваясь и не оставляя позиций. Все это отголоски старой традиции царского конвоя...

– Деньгами помочь не смогу, сам не богат. Что есть из жалованья на раненых солдатиков трачу. Коней дам, оружие дорогое из трофейного забирайте. Мундир новый, эполеты, саблю золотую за храбрость, опять же черкески казачьи с газырями серебряными, пояса наборные, все есть. Ну и самое главное, порешите, как вам попарно разделиться следует.

– Э-э, в каком смысле? – вытянули шеи будущие московские историки.

Если вы помните, то наших героев-линейцев было четве-

ро: двое молодых парней с разницей в один год, красавица казачка и ее дед. Как их можно было разделить на две равноценные пары? Ох, давайте думать вместе...

Допустим, Барлога и дед Ерошка. То есть храбрый, но не всегда умный русский офицерик, а рядом с ним пожилой денщик из терских казаков. По факту – нет проблем, они друг друга уравновесят, все вполне себе работает. Но?..

Тогда получается, что «черкесский князь» Заурбек Кочесовиков вступает в царский конвой, ведя за собой свободную казачку. Как кого? Полевую жену в армию нельзя. Хотя у того же Ермолова были, и не одна. Но он все-таки генерал, главнокомандующий, такое дело.

Просто как любовницу, под строгие государевы очи, тем более нельзя! Тогда как? А она ж не просто девушка симпатичная, она еще и казачка боевая, крещеная! Получается, никак, затык и засада.

Меняем Заура на Васю. Но и русскому офицеру Барлоге никак не по скромности чина возить с собой на войну скромную девицу. Хоть она и с кинжалом, пистолетами и с шашкой в зубах. По уставу нельзя-с! И точка.

Меняем вообще всё. В конвое идет дед Ерошка, а в подчинении у него его же внучка. Стирка, глажка, уборка, опять же кулеш сварить или борщ из ботвы свекольной, вроде все по уму? Да только в конвое такой возраст не приветствуется, типа как из голливудских фильмов «Старикам здесь не место». И да, конвонец не должен быть седым!

Отсюда общий вопрос, приказ генерала есть приказ, но что с ним дальше делать-то? Вопросы без ответа. А гордый генерал Ермолов никогда не отличался долготерпением...

– Так что решили, конвойцы?

– Ты уж себе как хочешь, Ляксей Петрович, а тока я знать ничего не хочу!

– Я-то что, чо на меня смотреть? Я девка глупая, образования не имею, грамоте не обучалась, наук не знаю, мне как дед скажет!

– Ну, если кого-то волнует мое мнение, то предупреждаю сразу: для нас, черкес, наличие рядом старого казака или молодой казачки в любой должности и в равной мере допустимым не является. Боюсь даже представить, что бы мне высказала мама. Бабушка прибила бы на месте...

Василий Барлога на этот раз почему-то молчал дольше всех. И это было странно, вообще-то парень никогда за словом в карман не лез, и скорее его было трудно заткнуть, чем развести на беседу. Он словно впал в некую прострацию, а когда вынырнул оттуда после долгих призывов друзей, то вдруг сказал:

– А что, если Танюшка станет парнем?

Ответом послужила до-о-лгая пауза, по окончанию которой второкурсник из Калуги продолжил наступление:

– Нет, я серьезно! Если на нее надеть мужской мундир, а дед Ерошка пойдет в адъютанты или денщики, так, может быть, оно и прокатит?

– А я? – на свою голову спросил господин Кочесоков.

– А ты мой кунак, как все тут и привыкли! Едешь рядом, отвечаешь за хозяйство, чистые сорочки, колыбельные, стирку, надраенное оружие, кофе в постель, ну то есть все, как ты любишь. По рукам?

– Две наших сестры уже проникли в их лагерь, – щebetала Низшая, нервозно облизывая тонкие губы. – Они тоже прошли специальную подготовку и сделают все, чтоб вы были довольны!

Скучающая Госпожа подняла утомленный взгляд. Молоденькая членка экипажа выглядела вполне аппетитно. Но сначала доклад. Дело превыше всего.

– Примитивные создания все еще пытаются сопротивляться?

– Да! Но ведь это просто смешно, о Верховная, – в голосе Низшей нотки искреннего восторга смешивались с полутонами недоумения и страха, но ее собеседница обладала идеальным музыкальным слухом. Ее трудно было обмануть.

– Не надо бояться, это всего лишь ограниченные самцы. Пусть они даже не знают, откуда и когда на их головы падет заслуженная кара!

– А как женщины? Они тоже будут...

– Там нет женщин, – нежно перебила Владычица. – Есть противоположный пол, загнанный, униженный и глупый. Вряд ли бы эти самки даже оценили наше возможное снис-

хождение...

Низшая склонилась в раболепствующем поклоне, едва ли не касаясь раздвоенным языком чисто вымытого пола. За идеальным соблюдением всех норм санитарии в покоях Верховной следили отдельные нижние, естественно, не с большой буквы.

– Я не повторю ошибок наших извечных конкурентов, хоть и не всегда врагов. Анунаки – древняя, великая нация, и они не заслуживают быть убитыми какими-то дикими варварами с одинокого голубого шара на самом краю галактики. Разве эта земля, ее черная кровь и драгоценные камни не должны принадлежать тем, кто способен лучше позаботиться о планете? Анунаки, нунгалиане, аполлоноиды, марсиане, сатурнианцы в конце концов, конгломерат ведущих цивилизаций, общий совет Сил Разума под нашим протекторатом! Кто-то против?

– Только эти странные самцы, я имею в виду тех четверых...

– Да кто они такие?

– То ли линейцы, то ли конвойцы.

– Это разные рода войск?

– Как мы поняли, да. Хотя в принципе служат там одни и те же люди. Но попадание в конвой – это карьерный рост для линейца.

– Ах, вот значит как, – многозначительно протянула Верховная, скрестив лапы на груди. – Сестры, мы сделаем

так, что они пожалеют не только о том, что встали у нас на пути, а и что вообще родились на свет! Кстати, я сегодня обедала, зайки мои?

...На этот раз пауза молчания продлилась гораздо дольше, но в целом обращена она была именно к нашему пылкому первокурснику. И как потом бедный Заур не отбрыкивался от бредовой идеи служить верным кунаком у высокопарного офицера со второго курса, его уже никто всерьез не слушал.

Татьяна так же скептически отнеслась к предложению перетянуть свой второй размер груди, все равно заметно будет. Но, с другой стороны, уж как хотите, а оно таки все же не четвертый, верно? То есть, если очень постараться, так вдруг оно и получится. Правда тут же встал вопрос стрижки кос, и в этом плане ревностная казачка практически встала на дыбы:

– Не позволю я себя калечить, а если кто попробует, так тот отбитый замухрыжник мне кровник будет аж по гроб жизни! Короткой жизни! Все ли ясно объяснила, ась?

– Я умоляю, Танечка, возьми папаху побольше, натяни на уши и всё! А усы мы тебе жженой пробкой нарисуем.

Васю спасло лишь своевременное вмешательство генерала. Ну, то есть он просто передвинул болтуна за свою спину, а сам придирчивым взглядом оглядел девушку с ног до головы.

– Плечи широкие, талия присутствует, а что черкеска ка-

зачья от пояса до колен идет широким разворотом, так то нам на руку. А поворотись-ка в профиль, дочка?

– Не буду!

– Слушайся Ляксея Петровича, дылда стоеросовая! Ты от покобенься мне еще марафетка французская! – дед Ерошка безапелляционно хлопнул внучку по заднице, и та, ойкнув, невольно развернулась, хватаясь за кинжал.

Все мужчины оценили благородный профиль с чуть задраннным носиком, упрямый подбородок и мягкую линию груди.

– Газырей побольше, в поясе не затягиваться, так, может, и сойдет, – всерьез задумался генерал, изгибая черненую бровь. – Решено! Завтра поутру жду вас здесь при полном параде. Все взвесим, посмотрим, а там уж дай бог силы службу Отечеству справить!

– Есть, – первым, как всегда, подскочил Барлога. – А нам, как я понимаю, по вопросам экипировки опять к полковнику Драгомилову?

– Ранен он, – напомнил Ермолов, и лицо его помрачнело. – Вот такая же тварь из-под коновязи на него бросилась, плечо порвала сильно. Зашитый он в госпитале. К интенданту пойдете, адъютант проводит.

Ну, как я понимаю, с этим все и выперлись восвояси. Адъютант все еще несколько дулся, но, когда старый казак одарил его серебряным кинжалом лакской работы, сняв с собственного пояса, паренек оттаял. Все любят подарки.

Лишний раз предупредив охрану, он лично сопроводил нашу компанию до походного интендантского склада, где порванную форму Василия заменили на совершенно новую. Тяжелую тульскую саблю и пистолеты тоже выдали заново. Второкурсник попробовал было вытребовать себе шашку, но интендант мрачно заявил, что по уставу не положено. Регламент, мать его...

Казачьих одежд, на военном складе, естественно, не было, но тут дед Ерошка взял дело в свои руки, подобрав из трофейного оружия шашку абрека в черных ножнах, с черной рукоятью из буйволово́й кожи, два длинных пистолета из поставок бельгийца Германа Таннера, тоже черные, но с белым костяным шаром на рукояти и широкий грузинский кинжал в черных же ножнах.

– Мне-то не по чину будет серебро носить, – пояснил он. – Дорогое оружие тока конвойцам положено, внучке отдам. А ты себе, татарин, вон ту шашку пригляди, в руке удобна ли будет?

Заур послушно вытащил из кучи холодного оружия слабоизогнутый клинок с рукоятью из белой кости.

– Это настоящий «волчок», – он мгновенно вспомнил лекции старого казака в их пещере на границе с таинственной Линией. – Только почему-то с какими-то цветочками.

– Эх, неук черномаздый, чему я тя учил тока? «Цветочки» энти на немецких клинках отродясь не бывали, а вот на твоём ан есть! Название им «пчелы». Вроде как воин с таким

клинком в дальних походах, крестовых, был. Ну да оно сказки, конечно. Раз у «волка» пасть закрыта, так, стало быть, ковали ту шашку в наших горах, в ауле Атаги, а ихние чеченские мастера на весь Кавказ славятся.

Первокурсник осторожно покачал клинок в руке, казалось, что он почти ничего не весит, баланс и отвес были идеальными.

– Зазря не маши, себе же клюв отрубишь, – без малейшей теплоты в голосе посоветовала Татьяна. – Дед, а где ж мы на него черкеску достойную справим? Не может кунак офицера нашего...

– У меня, между прочим, имя есть, – в один голос напомнили Заур с Васей.

– ...в грязной черкеске ходить. И папаху ему другую надо, и обувку побогаче, – невозмутимо продолжала девушка.

– Энто мы завсегда решим, теперича и у меня, старого, дорогие кунаки в горах завелись. А только сперва все в баньку!

Говорят, что с давних времен одно из главных отличий солдат от казаков заключалось именно в вопросе гигиены. В то время как суворовские полки грозно топали через леса и болота, не меняя портянок, brave станичники на каждом привале ставили баньку по-черному, топили чем придется, хоть лепешками коровьими, мылись голышом, да и враз догоняли войско на отдохнувших лошадаках!

Вот в такую походную баньку, стоявшую чуть в сторонке, и пришлось отправиться ребятам, когда они дошли до шала-

шей терского отряда. Если верить описанию того же Барлоги, то им предоставили обычную серую палатку, внутри которой на небольшом очаге пылали крупные угли, на них стоял казан с кипящей водой, тут же рядышком ведро с холодной, ковш и ведро пустое. Березовый веник, мочалка, мыла не было, так ногтями скребись.

Казакки приняли гостей приветливо, запах каши с салом и травами щекотал ноздри. Дед Ерошка вновь представил бывших (так, наверное, уже можно говорить) линейцев, выпросил у кого-то пару чистого белья и тычком в спину отправил ребят мыться. С учетом того, что они пережили в последнем сражении у корабля анунаков, в дождь и грязь, а потом еще и на заднем дворе «Шоколадницы» в обнимку с мусорными баками, уж как минимум – принять душ точно стоило.

– Да никто на вас и не смотрит-то! Кому вы интересные? – приговаривал дед Ерошка, помогая парням скинуть одежду. – Танька, отвернись, зараза бессовестная! Их благородия смущаются!

– Чегой я там не видала? Да поди там у их и нет ничего сурьезного...

– Между прочим, я попросил бы... – дернулся было Вася, но друг первокурсник привычно хлопнул его по плечу – не заводитесь, видите же, они нас просто провоцируют, ведите себя естественно и достойно. – Ох... ладно... но кальсоны буду снимать внутри!

– Хлопчики, вы того, мойтесь пошустрее, за вами внучка

моя пойдет.

С этим напутствием старый казак втолкнул студентов в палатку, где они стянули последние портки и, кое-как набулькав себе ведро теплой воды, начали старательно смывать грязь последних дней.

Все-таки в бане есть какая-то великая тайна. Это не просто омовение тела, не турецкий хамам или римские термы, здесь чистота тела гармонирует с просветлением души, которая, кажется, готова взмыть вместе с горячим сизым паром куда-то в самое возвышенное поднебесье.

Когда открываются не только поры кожи, а возможно и забившиеся чакры, а воспаряющее сознание максимально приближается всем сердцем к горячему солнцу, как к спасительному жару, яростному горнилу огня, из которого вышло все человечество. Вот именно в эти минуты мы вдруг понимаем, что смерти нет, что жизнь вечна, а все, что ранее казалось таким напыщенным и важным, оно на самом-то деле...

– Эй, офицерик! – снаружи раздался звонкий голосок красавицы казачки. – И ты, татарин, слушать меня оба, для увечных на ухо два раза повторять не буду! Живо закрыли глаза и не смей открывать, всекли?

– Причина? – логично поинтересовались парни.

– Дык я в баньку захожу. Чего время терять, небось и втроем поместимся. Все мы люди, все из одного мясу сделаны. А кто вдруг на меня телешом¹ пялиться станет, дак дедуш-

¹ Гольшом (каз.).

ка кинжалом вострым всю вставалку отчекрыжит, к хренам собачьим, ясно ли?

Молодые люди не поверили своим ушам. Потом быстро переглянулись, на их рожах расплылись довольные улыбки, и они оба дружно проорали:

– Да-а! Мы не смотрим, заходи-и!

И да, по словам того же Заура Кочесокова, они с товарищем честно зажмурились. Потом кто-то вошел, плеснул водой, подняв волну горячего пара, и вот тогда, осторожно поводя руками, оба молодца, краснея и бледнея, от воодушевления поочередно ойкали и извинялись, «случайно» касаясь пальцами чьего-то обнаженного плеча, шеи или даже более полукруглого и приятного.

Потом уже наши студенты признавались, что в свою очередь и их случайно трогали нежные, но сильные пальцы, и хоть все это длилось по факту не более минуты-полторы, но грохнувший с небес хохот заставил парней раскрыть глаза.

Разумеется, никакой Татьяны в палатке не было. Зато, глядя на них, через откинутый полог откровенно ржали полтора десятка казаков. Вася быстро убрал руку с бедра первокурсника, а тот со спины товарища. То, что они чуть-чуть, крайне деликатно, но тем не менее, полапали друг друга, выглядело как... ох, мамма-миа...

А казаки развлекались от души:

– Чую, офицерик-то наш хват! Зрите ужо, братцы, огурец огурцом!

– Ой, ты божечки мой! А грабли-то свои куды тянуть? Я ж от щас сдохну-у...

– Ша татарин ему тож кой-чо понащупаить! Ишь, как глазищи-то горять?!

Интеллигентный Барлога не успел собраться с достойным ответом на эту в общем-то простонародную, но от того никак не менее обидную шутку, когда совершенно голый владикавказец, завизжав на черкесский манер, вдруг подхватил полупустое ведро и выпрыгнул из палатки, охаживая с размаху каждого встречного-поперечного!

Троих он таки успел отхреначить с разбегу по башке, остальные в дружном порыве запаковали «немирного татарина» в кавказскую бурку и перевязали для надежности. Василий вышел без спешки, в новеньких кальсонах, натянул белую рубаху и, открыто глядя в честные глаза деда Ерошки с внучкой, так обложил матом все терское казачество, что, по их же выражению, ажно вот – «приходи, кума, любоваться!»

И надо признать, что, выслушав всю эту многослойную, пусть хоть не всегда понятную многоэтажную конструкцию, составленную из классических форм с добавлением новомодных эвфемизмов и ключевых новообразований, неслабо припухли все. Тут уж как в народной поговорке: «Всяк мастак матерится, ан не как москвич!» Уважуха...

Заура тут же вытащили из бурки, помогли одеться и с почетом сопроводили к ближайшему костру, где терские казаки, без претензий за увечья ведром по кумполу, приветство-

вали его как равного, усаживая у огня и давая миску с кашей. Напротив сидел довольный собой второкурсник Барлога, уполовинивая уже вторую порцию. Дед Ерошка рядом ухмылялся в усы:

– Да ты не серчай, татарин...

– Я черкес.

– А то ж я не знаю! Да тока все одно обиды не держи. Мы тут народ простой, без образования, нраву дикого, что смешным показалось, над тем и зубы сушим! А внучка-то моя тока щас в баньку пошла, нешто ты всерьез думал, что она с вами осрамится?

– Нет, конечно, – после секундного размышления признал горячий владикавказец. – Дурака мы сваяли, дедушка. Стыдно теперь...

– Плюнь, да и забудь! А вот теперь давай-ка наших послушай, бо первыми-то те твари странные на наш дозор напали. Тока хлопцы им надавали по соплям!

Старый казак говорил бодро, но было заметно, что он все еще осторожно держится за тот бок, по которому пришлось скользящее ранение анунакским лазером.

– А как вы сами вообще выбрались с той Линии? – спросил молодой человек. Старый пластун улыбнулся в усы...

...Корабль пришельцев был похож на боевой крейсер анунаков, примерно так же, как «мерседес» на цирковой шатер. То есть нигде, ни в чем и никак. Собственно, и сами отноше-

ния двух планетарных систем были по определению противоположны друг другу даже на уровне самых примитивных половых видов.

То есть все нунгалиане (нунгалианки?) были существами женского пола, способными к самооплодотворению, а потому не нуждающимися в самцах и даже презирающими оных. Соответственными были и феминитивы – капитанка, лейтенантка, штурманка, рядовая членка экипажа. Кроме этого, подразумевались сузубо уставные ступени для карьерного роста – никакая, Никакая, низшая, Низшая, высшая, Высшая и так далее вплоть до Верховной, Госпожи, Владычицы. Впрочем, на эту должность назначали личным решением главы ЖенСовета.

Нунгалиане никогда не питали иллюзий по воспитанию или колонизации землян, но в принципе ничего плохого в этом и не находили, верно? Их не интересовало золото, они умели добывать его дешевле с других звезд. Так же они абсолютно не нуждались в питательной человеческой крови.

В том смысле, что отлично понимали ее ценность на межпланетных торгах, но тем не менее не употребляли сами. Они ели лишь «естественную пищу», некоторые масла, нейтральный белок, а витамины предпочитали в виде таблеток. Но, с другой стороны, им все же была жизненно необходима власть над этой планетой. Власть долгая и стабильная, но желательна тайная...

– Верховная желает видеть план наших будущих дей-

ствий!

Высшая сестра беззастенчиво включила свет. Нижняя утомленно поднялась с койки, пинком в бок разбудив свою низшую. Никакого плана и в помине действий не было, составление четких параметров движения в любую сторону галактики осуществляли компьютерные программы корабля, купленные у тех же анунаков.

– Что нужно делать?

– Ты смеешь задавать мне вопросы, зайка моя?

– Простите! Я сейчас же предстану перед Госпожой!

Обращение «зайка моя» было по факту последним предупреждением.

Также мало кто знал, что именно подразумевают нунгалиане под словосочетанием «естественная пища». И на корабле никто не хотел ей стать, но ведь никого и не спрашивали...

...Как я понимаю, вот именно эта тема была бы достойна отдельного рассказа, дающего спорное, но тем не менее правильное понимание о кавказских традициях того времени. А они были весьма своеобразными...

Если подходить к этой истории совсем коротко... когда горячий Измаил-бей со своими джигитами вывел обессиленных, пленных чеченцев из трюмов космического корабля, то оба студента на его глазах бросились в атаку на анунаков. Внучка деда Ерошки пыталась их остановить, а потом все

пропало в круглой синей вспышке холодного пламени.

Сам же старик в почти бессознательном состоянии, едва дыша от раны, был увезен чеченцами в горы. Там местные знахари проверили казака и, убедившись, что кровопотеря вовремя прижжена, проверив все синяки и ушибы, отпоили его отварами горных трав, вернув через пару дней в родовой аул к Измаил-бею.

Тот в свою очередь принял старого казака словно своего отца, с почетом и уважением! Наградил подарками, серебряным оружием, кабардинским конем и после короткого отдыха с честью доставил к русским постам. Старик-казак и чеченский князь поклялись друг другу в вечной дружбе, став кунаками.

Если кто в курсе, то традиции подобного братания бывших врагов сильны на Кавказе до сих пор. Если бы Измаил-бей попал в плен к русским, дед Ерошка предпринял бы все усилия для его освобождения, а потом сам добровольно пошел под суд. А если бы отчаянные абреки взяли в круг шашек старика, то Измаил заслонил бы его собственной грудью! Таковы нравы гор...

Вася из Калуги, конечно, скептически покачивал головой, все пытаясь поддеть казаков рассказами о том, что и в светлом будущем те же джигиты много кому чего обещали, а только потом были взрывы с гибелью десятков и сотен мирных людей в домах, в метро и на вокзалах. Заур едва успевал затыкать ему рот.

Сам же студент Кочесоков как раз таки отлично понимал подобные вещи, поскольку выжить во Владикавказе, не имея преданных друзей всех национальностей, попросту невозможно. Город смешанный, преобладающее население давно связало себя узами родства осетин с карачаевцами, черкесов и русскими, сванов с кабардинцами, чеченцев с грузинами, дагестанцев с армянами.

И хоть на первый взгляд все это казалось буйно кипучим котлом, у которого вот-вот сорвет крышку, но местные всегда единой стеной вставали против любого захватчика, а сепаратистов гоняли половыми тряпками от церкви до мечети или обратно! Хочешь жить сам – не мешай жить другому, это тоже древний закон гор...

– Вставай, татарин, – старый казак, усмехнувшись, хлопнул Заура по плечу.

Парень давно задолбался объяснять всем, что он черкес, поэтому молча кивнул и встал.

– Со мной пойдешь, кунака моего встретить надобно.

– А как же...

– Дак мы ненадолго, товарищ твой тута посидит. Небось, казачки офицерики не обидят, да и плохому от не научат.

Молодой человек если и опасался, то как раз обратного, это болтливый Барлога мог научить плохому кого угодно. Но спорить было бессмысленно, в наступающей темноте они прошли к ближайшей рощице, где стояли стреноженными несколько лошадей. Своего вороного, злобного, как пес, и

преданного, как собака, студент узнал сразу и с разбегу бросился ему на шею...

Конь опустил голову на спину хозяина, его шкура нервно вздрагивала, а по круглой щеке катилась слеза. Лошади умеют плакать, и если привязываются к человеку, то разлука даже на день для их больших сердец равна году. Сам Заурбек тоже чуть не разревелся, обнимая и глядя боевого скакуна. Если между человеком и животным бывает настоящая дружба, то вот это она и есть.

– А что ж без седла, охлюпкой², не свалишься?

– Попробую, – молодой черкес вспомнил, как видел это в кино, встал левым плечом к морде коня, уцепился за гриву и в одном прыжке, ласточкой прыгнул на спину вороного.

Дед Ерощка довольно присвистнул. Сам он не так лихо, а при помощи пенька, влез на своего крепкого, кабардинского жеребца и, так же держась за гриву, послал коня вперед. Вороной, не дожидаясь команды, потянулся следом.

Собственно, они отъехали от лагеря не дальше чем на полверсты, когда старик остановил мальчика-пастушка, гнавшего домой трех баранов. Он поманил его к себе, что-то прошептал на ухо, показал пальцем на Заура и передал мальчику монету. Пастушок белозубо рассмеялся, деньги исчезли в грязном кулаке, маленькое стадо погнало дальше, а каждый пошел своею дорогой.

– Это связной Измаил-бея, – с полной уверенностью обо-

² Без седла (каз.).

значил молодой человек. – Вы о чем-то попросили его и заплатили вперед.

– А ты не дурачок, хлопчик, – согласился старик, разворачивая коня. – Коли нужда есть, так кунак кунаку завсегда поможет.

– И в бою? Допустим, если он на ваших глазах будет рубить ваших же казаков, или солдат, или офицеров, а что если самого Ермолова – вы будете стоять в стороне?

Дед Ерошка ответил не сразу.

– Что ж, коли такая беда случится, убью его первым. Да и он меня не помилует, когда резня посреди аула пойдет. Но случись мне али ему супротив своих встать ради кунака – мы встанем. Измаил – настоящий джигит, слову верен, честь свою под чувяки³ не бросит, друга не предаст. Был у меня один такой кунак...

История простенькая, вряд ли заслуживающая такого уж особого внимания, но тем не менее кое-что говорящая о нравах Кавказа. Молодой казак Ерофей с товарищами попал в засаду, пока за ружья схватились – трое дозорных из пяти уже на земле валялись, пулями прошитые. А напал свой же казак, из отступников, так вот банда у него была мало не в двадцать шашек из отребья всякого.

Покуда отступали, вышли к хижине глинобитной в горах, там чеченец с женой и двумя детишками. Простой пастух, не джигит, не герой. Ерофей раненого товарища без спросу

³ Тип обуви (каз.).

в дом заташил, сам через окно отстреливаться начал. Ну и бандиты палят как бешеные. От одной пули он грудью своей ребенка чеченского прикрыл, тут хозяин и сам за ружье взялся. Как порох кончился, они оба в кинжалы пошли...

В общем, чеченец-пастух чудом не погиб, а молодой казак изрезан и изрублен был так, что только хоронить. Но на выстрелы второй дозор подоспел, отбили врага. Так хозяин дома не проклинал наших, что к нему без приглашения вломились, а в ноги кланялся за то, что Ерофей его старшему сыну жизнь спас, в свое плечо его пулю принял.

Дружили они потом много лет. Дед Ерошка пережил своего кунака, а сыновей его двух в казаки записал. Так их приняли, отчего ж нет? Сейчас чины в терском войске имеют. Письма пишут, образованные, начальство их ценит, хоть и ругается порой, что храбры без меры, очертя голову на бой летят, но это в отца, всякая кровь не водица...

Когда вернулись в лагерь, пешком, привязав коней у той же рощицы, вдохновленный рассказом студент-первокурсник гулко хлопнул себя ладонью по лбу. Над казачьим костром разносилось спевшимся многоголосьем:

Я уеду жить в Лондон!
Я уеду туда, где Кубани вода,
Где сам Лепс навсегда,
Где Шамиль не приснится!
Если Питер столица,
А оттуда сюда не идут поезда,

Это все ерунда?
Надо, братцы, молиться!
Ну, а нет, так напиться!
По любасу, напиться-я...
Я уеду жить в Лондон!

– Огнище... – не хуже Барлоги обозначил тяжело дышащий первокурсник из Владикавказа. – Вот ведь если я его прямо сейчас убью, меня же посадят?

– Не, татарин, расстреляють тока, – искренне удивился дед Ерошка. – Дык, а с чегой-то ты настолько завелся? Вроде как складно поют...

– Испанский стыд, – не вдаваясь в детали, Кочесоков со стоном опустил лицо в ладони.

Его уши полыхали красным.

– То есть косячит он, а стыдно мне...

И да! Парень был абсолютно прав, если Василий имел хоть малейший шанс научить доверчивых казаков девятнадцатого века «плохому», то он его использовал по полной! Но тут надо было знать нашего героя из Калуги, для него всегда было важным признание в обществе, поймать тренд, возможность найти свое место в среде, сделаться своим в доску, особенно там, куда ты попал в первый раз.

А поскольку у костра терцев кудрявый второкурсник в офицерской форме уже был, так что особенно важным оказалось подтвердить свое положение, так сказать, обозначить статус. Поэтому, когда кто-то из молодых казачков вновь за-

дался естественным любопытством «...а чегой-то ныне поють в столицах-то?..» – Василий не ответить не мог.

Текст, конечно, получился не бей лежачего. Но, с другой стороны, там и оригинальный хромает на обе ноги. А благодарная публика охотно подхватила тему, развернув оную на свой манер. Кстати, если подходить к вопросу акапелльно, то получилось вроде как и неплохо. Распевно, музыкально, с переходом на голоса, а главное, душевно-то как...

...Спали без палаток, расстелив бурки прямо на земле. Татьяна чуть в сторонке, спина к спине с дедом. Второкурсник Барлога, в отсутствие Заура успевший принять пару стопочек от благодарных слушателей, рухнул в сено на чужой телеге. Господин Кочесоков (высокопарное словосочетание, но уж так как-то сложилось...) спал на земле, наравне с остальными, завернувшись в плотную бурку.

Впрочем, уснул не сразу. Во-первых, он проклинал себя всеми возможными словами, за то, что, вернувшись в свое время, не успел поймать хоть кого-нибудь, отобрать под угрозой кинжала сотовый и позвонить родителям. А папа и мама, хоть и жили во Владикавказе, но, как вы помните, были высоко образованными людьми и не понимали причин, по которым сы#ночка-корзиночка не звонит столько дней?

Во-вторых, молодой человек все чаще ловил себя на мысли, что ему здесь нравится. Не так, как, допустим, тому же Василию Барлоге из Калуги, этот тип ворвался на театр во-

енных действий генерала Ермолова, как золотая рыбка в море! Ему тут подходило абсолютно всё! И дай ему волю, он бы не ушел под угрозой расстрела из пулемета...

Но Заур все-таки был человеком несколько иной формации. Он помнил об уровне медицины, в частности стоматологии, даже не пытаясь предполагать, что будет, если вдруг выпадет старая пломба? Он прекрасно отдавал себе отчет, что по факту они оба здесь на птичьих правах, без документов, записи в церковных книгах, даже без жалованья. Пусть самого маленького, но и этого нет.

Да, сейчас за них стоит генерал Ермолов, но история знает, что покорителя Кавказа снимут со всех должностей, отправив в свое поместье на мизерную пенсию. И это реальность, а не фэнтези. Русский царь не доверял Алексею Петровичу, подозревая его в связях с декабристами.

А он всего лишь считал некоторых из них своими друзьями по наполеоновским войнам, хотя никогда не разделял их идей о насильственном переустройстве государства российского. Но у царя были советчики, которым успех Ермолова на Кавказе стоял костью поперек горла...

Так что Заур Кочесоков был прав – что их ждет на закате карьеры опального генерала? И если вы честно поставите себя на их место, глядя правде в глаза, то признаете – ничего хорошего. От слова абсолютно!

Первая же военная проверка вскрыла бы полное отсутствие хоть каких-то утвержденных бумаг на обоих. Причем

Барлога за подлог и присвоение себе чина подпоручика отправился бы на пожизненную каторгу, а вот молодого черкеса скорее всего просто расстреляли бы или повесили в назидание другим.

Но сейчас им везло. Да и если подумать, то какие другие карты им выпали в раскладе? Сдаться ученым умам девятнадцатого века с криками «мы из будущего»? А потом рассказывать, как пала империя Романовых, как строили социализм, как СССР победил Германию, а потом пришел Хрущев и отдал Крым, после чего Горбачев развалил страну, Ельцин добил, что осталось, а минуя возродившиеся кавказские войны, сейчас Россия вновь лоб в лоб стоит против всего Запада?

Да это же психушка как минимум. А если надежнее, то быстрое и тихое отравление опасных вольнодумцев мышьяком в казематах Петропавловской крепости. Кому оно надо?

Приблизительно на этой мысли наш первокурсник потерял нить размышлений и в конце концов уснул. Мы не знаем, что ему снилось. То есть иногда ребята вспоминали сны, но вот почему-то не в данный момент. Тут скорее важным было пробуждение, когда тонкие, но сильные пальцы сжали его горло...

– Какого тут... это ты?!

На его груди сидела красавица казачка, и в карих глазах ее играло странное зеленое пламя. Она сжимала пальцы все сильнее, так что Заур даже не понял, в какой момент умуд-

рился автоматически выпрямить колена, производя бросок противника через голову.

Татьяна вскочила на ноги с невероятной грацией, словно извернувшаяся змея или ящерица. Когда она молча, без слов, просто облизав губы раздвоенным языком, вновь кинулась в атаку, владикавказец не задумываясь выхватил менгрельский кинжал. Длинный узкий клинок прошил живот стройной девушки едва ли не насквозь...

– Братцы, тревога! Сполох! Татарин чумной нашу Таньку как есть зарезал! – вскинулись казаки.

Заур и слова сказать не успел, как стоял в кольце холодных шашек и взведенных ружей, но первое, что услышали все присутствующие и участники суда Линча – это зевота все той же Татьяны, отважной внучки деда Ерошки:

– Чего орем-то прямо над ухом, ась?

– Дык тебя ж убили вроде... – оробело пискнул кто-то.

– От я щас встану и сама всех дурней поубиваю!

В общем, когда Татьяна пробилась сквозь ряды встревоженных казаков, глянуть на самую себя, народ начал несколько подуспокаиваться.

– Опять, чо ли, подменьша кинули?

– От же вражины, а отличишь как? Никак!

– Братцы, а может, нам и энту... ну на всякий случай, проверить как бы, ась?

Проверяльщик словил прямой удар с ноги в грудь от возмущенной девушки и более никого не отвлекал. А дед Ерош-

ка, поднявшийся еще быстрее собственной внучки, быстро ошупал шею и лицо молодого студента.

– Вроде как постраданий нет. А то ить опасения врачи выдвигают насчет ран там, укусов всяких, – покосился на кинжал, которым первокурсник защищался. – Так от рукоять-то в серебре. Стало быть, наш татарин. Мирной!

– А энто тады что за скотиньяка безбожная?

– Да пес ее знает! – так же честно ответил старый казак, глядя, как лицо мертвой девушки быстро принимает ящерице-подобный облик. – От дивись, братки, как оно происходит! Может, какая наукоемкая зараза мне про то объясниться сумеет, а?

Заур поднял руку. Его заметили не сразу, но все-таки решились дать слово.

– Спасибо, дамы и господа... – Неловкая пауза показала молодому человеку, что бывают ситуации, когда надо бы выражаться попроще. – Братцы-казаки! Еще вчера такой же оборотень принял облик самого генерала Ермолова. Как их отличать, понятия не имею! Но дед Ерошка прав, они боятся серебра. Значит, можно просто обойти все войско на предмет ношения серебряных крестов, серебряного оружия, серебряных наград или серебряных наборных поясов и газырей. Если возьмемся все и сразу, то мы их быстро вычислим!

Терцы сдержанно загомонили, но уже через минуту признали, что мирной татарин как есть прав. Отряд отправил нарочных к господам офицерам, те в свою очередь должны

были заручиться разрешением атамана (по факту, совершенно формальным) и провести реестровую проверку серебром среди своих частей.

И оно бы наверняка сработало, если бы, к сожалению, боевые части генерала Ермолова не были так велики. Молодой студент-первокурсник даже не подумал о том, какое количество людей предстоит проверить. Только один полк грузинской милиции около трех сотен человек, а кто мешает обратню тут же принять внешность прошедшего проверку солдата? Вот именно, никто, нигде, увы и ах...

В общем, так и не дождавшись результатов реализации своих идей, господин Кочесоков был поставлен в строй и, при наличии отчаянно зевающего Василия, успешно проспавшего все, отдельным приказом генерала Ермолова торжественно зачислен в ряды царского конвоя!

– Отныне, все вы не линейцы, а конвойцы! Служите честью государеву стремени!

И хотя никакой царь на Кавказ в то время не собирался, но его двоюродный младший брат Михаил Николаевич вполне себе отвечал требованиям Конвоя. Царская кровь есть? Да, в наличии. Великий князь едет? Само собой, скоро будет.

Его охраняют? А то ж! В данный момент это отважные грузинские князья и благородные сыновья крымских ханов. Ну, а по пути в вольный город Тифлис его встретят терские казаки от генерала Ермолова. Да не простые...

В их составе будет высокородный офицер Василий Бар-

лога с горячим адъютантом из черкес и молодой (молоденький!) есаул Тимофей со своим старым денщиком Ерошкой. Благодаря приказу Алексея Петровича, все было принято чиновными людьми по службе за чистую монету. С начальством не спорят.

На прощанье гроза Кавказа спросил ребят:

– Ответьте лишь, линейцы, что меня ждет в будущем?

– Вы и сами знаете, – попробовал было выкрутиться второкурсник, но глянув в глаза генерала, честно признал: – Царь вас не примет. Но благодарные потомки будут ставить вам памятники и называть улицы вашим именем. Это правда!

– Ну, дай-то бог, – широко перекрестился легендарный полководец. – То же самое мне и я сам предсказывал. Стало быть, воля Господня не обманет. Вас же прошу об одном, не дайте государева брата в обиду. У меня все возьмите, но славе России служите честно!

Наверное, сейчас, при либеральном настрое элит, эти слова кому-то покажутся слишком верноподданными, но в те грозные годы верность государю, помазаннику божьему, считалась совершенно естественной, как дыхание. И в этом не было ни капли раболепия.

Исстари военный человек всегда головой служил Отечеству, чей образ видел в воплощении царя. То есть помазанника божьего! Ну, а то, что у нас сейчас не все так однозначно, это ведь скорее проблемы нашего с вами общества, чем

самой истории, верно? Кто не согласен, может поспорить. Но не со мной...

Владычица постукивала коготками пальцев левой руки по приборной панели. Сегодня ее почему-то раздражало все, хотя обычно она отлично владела собой. У ее благородных предков хладнокровие было врожденным, а годы тренировок, десятки экспедиций, участие в разрушении целых планетарных систем и неприкрытого геноцида также не добавляли эмоций. Скорей уж наоборот, но она ведь была женщиной...

– Снимайте нашу базу. Мы уходим в Тифлис, в большом городе достигнуть наших целей будет куда проще.

– О да, Верховная, все будет исполнено по вашей воле, но если...

– Если?!

– Эти люди держат свое слово, быть может, нам нужно этим воспользоваться?

– Возможно. А что они сделали с нашей Низшей?

– Убили.

– Что ж, это было ожидаемо...

Владычица, Госпожа, Верховная, как женщина с еще с десятком имен, меняющая их по настроению, слегка приподняла тяжелые медные веки. Она никогда не была настолько глупа или высокомерна, чтобы не понимать реальности. Женщины всегда обязаны быть умнее мужчин, иначе ануна-

ки давно обошли бы нунгалиан.

– Кто ее убил?

– Тот, на кого она напала. Глупый самец не впал в сексуальную расслабленность при виде желаемого объекта, а вдруг оказал сопротивление.

– То есть?

– Оказывается, существуют специально разработанные физические приемы самцов, по правилам безболезненного сбрасывания с себя самки. А потом он пронзил нашу сестру заостренным куском металла.

– Какое варварство...

Госпожа вздохнула. Все должно было быть не так. Самцы с планеты Земля позволяли себе слишком много воли. Это было нелогично и нецелесообразно. Трудно воевать с теми, кто действует не по вашему плану. Как же болит голова-а...

И хотя разница полов диктовала иные условия, но вопреки любым советам, любому рассудочному развитию сюжета Верховная вдруг приняла несколько неожиданное решение. Она потребовала подать себе карту этого континента.

– Ну и где тут этот их Тифлис, зайка моя?

...Утром следующего дня Заур проснулся от того, что тяжелый сверток рухнул ему прямо на грудь. Парень резко вскочил, словно бы не спал вообще. Казаки даже головы не

повернули, а мальчишка-пастух, хлюпая кривым носом и прихрамывая, побежал за своими баранами. Развернув посылку, первокурсник сначала ахнул, а потом быстро приступил к делу...

– Ось, дивись, внучка, какой у нас красавец – черкес сам собой нарисовался!

Старый казак, дед Ерошка, спал с оглядкой, а потому всегда был в курсе всего на свете. Он подпихнул кулаком свою внучку, и та, подскочив, реально присела от удивления:

– Ох ты ж, с какого чуда египетского так расчепурило⁴ тарина-то нашего?

Господин Кочесоков, ни на секунду не теряя самообладания, просто выпрямился во весь рост. Белая черкеска в талию, кожаный пояс с двадцатью серебряными накладками, тонкий кинжал чеченской работы, с характерным окладом ножен, а если его вытащить из ножен, то на клинке читались геометрические рисунки и непонятное русское слово «Таха». Хоть по факту это был известнейший оружейник Чечни!

Такая же белая высокая папаха, красный, как кровь, шелковый бешмет. Тонкие черные шаровары, сапоги без каблука почти до колен, подтянутые тонкими кожаными шнурками. А шашка «волчок» с рукоятью из белой кости у нашего героя уже была, вы же помните, правда?

– Ай, хорош, ай красава! Хоть сейчас хватайте, девки, да тащите за химок под венец! – громко резюмировал дед

⁴ Нарядило, раскрасило (каз.).

Ерошка.

От его голоса встали и остальные, разве что второкурсника Васю пришлось будить пинками, когда все уже налюбовались. Измаил-бей по просьбе старого кунака в одну ночь раздобыл самые лучшие одежды, тем более что Заура он не единожды видел лично и представлял, что и как у парня по размерам. Да и не исполнить столь простенькую просьбу было бы совершенно не в кавказских обычаях.

Это сейчас вы придете в гости к лаку, чеченцу или грузину, но фиг они вам будут отдавать все, на что упал ваш жадный взгляд. А в те далекие времена, фактически три столетия назад, люди не были настолько привязаны к вещам, поскольку прекрасно осознавали одну из главных истин бытия – в саване карманов нет, в гроб запасы не кладут, мертвому, кроме земли, ничего не нужно. Бери в подарок, дорогой!

А ведь только представь себе тот же студент Кочесоков, сколько сейчас на антикварных торгах стоит настоящий кинжал Таха, он бы за него удушился, наверное. Уютную однокомнатную квартирку в районе Выхино можно запросто снять на полгода!

Плюс пояс в черненном серебре и шестнадцать серебряных газырей, по восемь с каждой половины груди! Ну, братцы, здесь уже даже без учета работы, просто посчитайте стоимость того же серебра на вес. Простите, это я что-то заболтался о наболевшем, сам такой кинжал хотел, да не судьба...

– Ну чё, огнище, конечно, – чуть не скрипя зубами от за-

висти, честно признал Барлога. – Хотя денщик не должен выглядеть богаче своего офицера, но да ладно... Я тебя знаю, изгваздаешься при первом же случае. Так что старую одежду не выбрасывай, держи на сменку.

Кстати, казаки в этом вопросе стали на сторону Василия, белая черкеска и папаха отлично выглядели бы где-нибудь на свадьбе в Тифлисе или на балу в Санкт-Петербурге, но театр боевых действий предполагал более приземленную одежду. И во всем в этом, как вы поняли, имелся совершенно практический смысл.

Просто потому, что в начале войны вольные джигиты периодически отстреливали через день одного-другого офицера, именно из-за яркой заметности белого мундира или белой фуражки. Зеленый цвет входил в моду наравне с темно-синим, коричневым или черным.

Хотя надо отдать должное и коренным жителям Кавказа – красиво одеваться любили все! Исключение составляли разбойники-адыги, чаще всего ходившие в черном или грязно-коричневом тряпье. Как, впрочем, и наши казаки-пластуны, потому что в разведке или ночной атаке, в лесу, болоте или камышах любой яркий цвет подставлял своего хозяина под вражескую пулю.

Времена были опасные, это да. Но люди все равно жили... После быстрого завтрака, состоявшего из куска хлеба с солью и родниковой воды, наши будущие конвойцы отправились за получением задания к генералу. Тот вновь принял их

ласково, выказал удовлетворение от новых нарядов московских студентов, заручился кивком деда Ерошки и сам надвинул большую черную папаху на голову девушки ниже бровей.

– Стоять, – без угрозы в голосе приказал он, и девушка послушно встала столбиком, хотя в глазах ее полыхало карее пламя с опасными искорками. – От так и так!

Ермолов макнул указательный палец в чернильницу и дважды аккуратно мазанул Татьяне по верхней губе. Отошел, присмотрелся сощурившись, как художник перед холстом, достал белый носовой платок и, не щадя ткани, размазал чернила.

– А так вот естественнее, вроде как есть пушок черный, но сами усы не пробились еще! Как вам?

Вася с Зауром, естественно, похвалили, старый казак снисходительно пожал плечами, горящий взгляд молодой станичницы обещал попеременно убить всех, в самое неподходящее время, кроваво и жестоко, потому что хоть месть и подают холодной, но долго она вас ждать не заставит!

– Ты уж прости, красавица, меня старого дурака, – Алексея Петрович по-отечески обнял ее за плечи. – В конвойцах служба может и поопасней быть, чем на Линии. Разные люди туда приходят, все храбрецы да герои, но не все медные трубы минуют с достоинством. Нельзя, чтоб тебя разгадали. Конфузия будет такая, что поди и с меня эполеты снять могут...

Не знаю насчет эполет, но многие историки действительно

признавали, что по правилам конвойцев, даже самым наилучшим, проверенным казакам разных войск России, доверилось служить лишь четыре года. Потом на коня и галопом вон из культурной столицы! А то, ишь, балы, красавицы, лакеи, коньяки да булки французские, магазины модные, костюмы английские, оперы итальянские, при такой-то жизни и развежиться недолго.

Так что, марш домой, в станицу Новочеркасскую, Фортпостинскую, Грозную, и служи отечеству, там, где родился! А ежели женился в Санкт-Петербурге, так и супругу свою со всем ее положением вези на вольный Дон, на шумный Терек, на Волгу или Кубань. Ибо на твое место в Его Величества Императорском Конвое всегда другой добрый казарлюга сыщется, не переживай!

Татьяна взглядом попросила зеркало, но поскольку ничего подобного у генерала в палатке не было, ей пришлось смотреть на свое отражение в серебряном подносе. Что ж, принимая неотвратимое как превратности военной службы, она лишь послунявила пальчик, еще раз подправила нарисованные усы и забекренила папаху, натянув ее на уши.

– Кстати, да, так гораздо лучше, – осторожно признал Вася, не рискуя переборщить с комплиментами. – Еще бы слегка румянец на щечках приглушить, а?

– Я тя сама приглушу, офицерик, – одними губами просемафорила девушка и тепло улыбнулась генералу Ермолову. – Навродь как готова, ваше сиятельство. Дозволите идти,

службу исправлять?

Алексей Петровичу, хмыкнул про себя, полез куда-то в сундук, порылся там и достал четыре новеньких георгиевских креста.

– Заслужили, берите, братцы, все что могу, чем богат, что в моих силах и власти.

Может, кто не в курсе, но наши студенты-историки отлично представляли себе значимость этой награды. Скромный, солдатский серебряный или чаще посеребренный «Георгий» вручался исключительно за личную храбрость в бою.

Получить его за штабную работу или прыгая адъютантом вокруг командира было практически невозможно. Хотя всякие случаи, конечно, были, вспомним того же Дениса Давыдова, а он врать не станет:

Пусть фортуна для досады,
В умножение всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И георгья за совет!

Хотя, скорее всего, тут речь об офицерском георгиевском кресте. Как уже говорилось выше, получить тот самый простой, солдатский, было куда труднее.

Вручали по старшинству. То есть первым награду принял дед Ерошка, потом его внучка, за ними Барлога и Кочесоков. Вообще-то, позднее был разработан специальный крест для иноверцев, где убрали святого Георгия на коне. Типа христи-

анский святой может оскорблять символ веры у мусульман, поэтому просто ставили царский герб двуглавого орла.

И что же? Мусульмане, действительно, обиделись. Они говорили, что хотят носить крест с джигитом, а не с птичкой! Толерантная идея провалилась, не то время, господа-с...

После того как все гордо выпятили грудь, Ермолов достал из того же ящика два крохотных, меньше ладони, так называемых «каретных» пистолета:

– Возьми, дочка, не обижай отказом. С них и на десять шагов прицельно не пальнешь, но ежели прижмут к стенке, так и с одного шага любому злодею мозги вышибешь!

Девушка выразительно посмотрела на двух парней и, показав им язык, благодарно обняла легендарного генерала за шею. Ретивый адъютант, не вовремя впершийся с самоваром, понимающе посвистел в потолок и удалился. К постановке служебной задачи вернулись минут через пять...

Почему была важна задача обезвреживания Линии? Потому что рядом, буквально в десяти верстах, проходила достаточно широкая дорога на Тифлис. Надо ли кому объяснять, что это старое название современного Тбилиси? Столицы Грузии, той самой, которая ранее Скартвело, а сейчас Джорджия? Надеюсь, нет. Продолжим.

Разумеется, сам государь император сейчас нанести визит в Грузию не собирался, у него хватало других проблем и дел. Цари, они, вообще-то, в целом весьма загруженные по вре-

мени люди, практически никакой личной жизни. А если и отпуск, то в лучшем случае на денек, поудить рыбу в прудах Петергофа, и пусть Европа подождет...

Так кто поехал вместо царя? Его двоюродный брат, по тем временам еще совсем мальчик Михаил Николаевич. Стройный подросток десяти-одиннадцати лет, не слишком умный, но дерзкий, храбрый и отличающийся совершенно не подобающей своему статусу простотой и открытостью. Юный князь обожал лошадей, любил пострелять на охоте, покрасоваться на балу, а чисто государственные вопросы волновали его меньше всего на свете.

Отправляя такого отчаянного мальчишку на Кавказ, царский дом, разумеется, рисковал, но учитывая традиции гор, это опасное решение вдруг оказалось единственно правильным. Конвойцы из осетин и грузин наперебой буквально вились перед маленьким князем, демонстрируя ему лихую езду верхом, рубку с седла, приемы джигитовки, стрельбу на скаку, прыжки через препятствия и все, что могло пленить мальчишескую душу!

Кавказцы и сами не заметили, как стали оберегать его от любой, даже самой случайной опасности, ибо он стал для них «сыном полка» в новенькой черкеске и высокой папахе набекрень. Они бы, без сомнения, отдали за него жизнь, и любой, кто хотя бы без должного почтения покосился на «их» князя, рисковал быть зарубленным на месте.

Вот в такой веселый коллектив и предстояло влиться на-

шим героям.

– Отказать вам не посмеют, вот письмо мое и рекомендация, – генерал Ермолов передал Барлогу запечатанный конверт. – Христом богом прошу, доведите мальчишку до Тифлиса. Там его встретят, там уже все знают. Твари эти, как сами видели, любой облик принять могут. Вдруг как уже при самом Михаиле Николаевиче вблизи сообразовались? Мы-то лишь поняли, что боятся они серебра, а по-другому их поди вычисли...

Трое из четверых вытянулись во фрунт. А потом одинокий голос студента Кочесокова спросил:

– Если мы справимся, нас вернут домой?

– Про то не ведаю, – так же откровенно, без обмана, развернулся к нему Алексей Петрович. – От себя лишь слово даю, что более вас о службе просить не посмею.

Все на минуту склонили головы. Если чему и можно было верить в то смутное время на Кавказе, то это лишь слову Ермолова. Значит, по коням и в путь!

...Корабль бесшумно поднялся, двигаясь по указанным координатам в новую, непривычную местность. То есть на территории вблизи большого города, в места, где люди могли обнаружить гостей из космоса в любую минуту. Но почему?

Допустим, те же анунаки предпочитали тайные и неприступные базы, защищенные местными мифами, суевериями

и магией. Это казалось разумным, естественным и логичным, к тому же так рекомендовали все учебники по освоению галактик.

Но женщины никогда не верили в такие сложные вещи. Какой смысл в раскручивании стареньких местных мифов, в сложной технике, копирующей самые глупые человеческие предрассудки, когда можно действовать гораздо проще, но тоньше?

Да, все боятся сверхъестественного, однако встретив два или три раза Черного абрека на трехногом коне, любой горец, хоть и призовет Аллаха в помощь, но тем не менее уже не уступит дорогу врагу. От летающего джинна можно было просто спрятаться в кустах или пещере. То есть к любой опасности можно привыкнуть или притерпеться.

А вот если страх неизбывный, подсознательный, настоящий на катастрофическом непонимании реальности? Сын доверяет отцу, ребенок матери, брат брату, муж жене, сосед соседу, своему тейпу, клану, народу – и это нормально, без этого не выжить. Так нужно просто стереть это доверие между людьми...

– Мы оставили своих сестер на пути русской армии?

– Да, о Владычица.

– Эти четверо безумцев ищут нас?

– Нет, о Владычица.

– Почему они вообще до сих пор живы? – уже скорее самой себе задала вопрос Госпожа. – Если кто-то сумел по-

бедить твоего врага, то в чем-то он твой союзник и друг. Однако подобному союзнику нельзя оставлять жизнь. Вдруг он сделает неправильный вывод и в следующий раз обернет оружие против тебя же...

Заур покосился на Василия. Тот, казалось, полностью был доволен всем, наслаждался моментом, гладил пальцами новенький георгиевский крестик, но, опомнившись, сурово кивнул. Да, если что, так и он ни разу не против возвращения в современную Москву двадцать первого века.

– Добро! Еще коней вам дам, чтоб служили вы хоть внешне других не хуже.

– Благодарствуем, – мягко улыбнулся старый казак. – А тока мне нового коня уж подарили, кабардинских кровей, гордый как зараза, но уже собачонкой за мной бегаёт.

– Я от своего вороного ни за что не откажусь, – поддержал пылкий владикавказец. – Кто будет смеяться, как над желтой лошадью д'Артаньяна, получит в глаз!

– А я б и не против, – кивнула князю Татьяна. – Но сперва глянуть-то можно? – Фактически девушка озвучила заодно и Васины мысли. Он прекрасно помнил своего буланого скакуна, но если предлагают что-то поинтереснее, то кто же не пересядет с «Лады» на «Мицубиси»?

Так вот они все вышли из палатки, прошли с десятков шагов в сторону до коновязи, где, высокомерно задрав головы, стояли четыре ахалтекинца.

Высоченные кони-олени, нереально мерцающая шкура, просвечивающие голубые вены, тонкие ноги, изящные черты лица (назвать го мордой язык не поворачивается), шелковая грива, жгучие черные глаза, в которых так и светился ум, превосходящий в определенных параметрах даже наш, человеческий...

– Аргамаки, царской породы.

– Ахалтекинцы, – поправил начитанный Барлога. – Сейчас эти кони признаны национальным достоянием Туркмении. Они у них даже на гербе есть. И, кстати, справедливо, а хотите исторический анекдот?

– Нет, – сказал Заур, но остальные хотели.

– Было дело, реально, одного из таких коней подарили старенькой королеве Виктории. Которая, кстати сказать, фанатка верховой езды. Так вот, она распорядилась смыть ярко сияющий перламутр со шкуры животного. Конюхи мучились всякими шампунями дня три, пока до них дошло, что это уникальный, но естественный цвет ахалтекинца! Шиза, да?

Все, кроме первокурсника, восхитились, посмеялись и признали королеву Великобритании дурой. Хотя никто не понял, какую и зачем. И это они еще не знали, что в наши дни появится термин Мелкобритания. Если кто не понял, то лично я почему-то считаю, что свободная Шотландия наконец покинет-таки соединенное королевство. Подождем...

– Мать твою, кобылицу злобную за заднюю ногу, раскрутить, да в монастырь на покаяние! – только и успел придуть

шенно пискнуть Вася из Калуги, когда добрейшей внешности ахалтекинец одним резким поворотом головы едва не откусил ему нос. – Дедушка Ерошка, а где мой конь?

– Да от там же у казачков, рядом с Зауркиным вороным тебя дожидается.

Барлога поправил офицерскую фуражку и опрометью бросился в казачий стан. Господин Кочесоков сначала кричал, чтоб Вася захватил и его коня, но, вспомнив ревнивый характер вороного, не задумываясь припустил следом. Между тем красавица казачка подошла к предложенному ей опасному, гордому жеребцу.

Это был высоченный зверь, с невероятно красивыми глазами, длиннющими ресницами, а шкура его переливалась золотыми пятнами на коричнево-оранжевом фоне. Кто не верит, что такое бывает – в Сеть носом, ищите и обрящете!

– Красивый мальчик, добрый мальчик, – она аккуратно протянула ладонь в его сторону, развернув кисть руки так, чтобы животное могло поймать запах руки человека.

Клацнули крепкие зубы, Татьяна привычно успела отдернуть руку, и что бы в тот момент ни думал ахалтекинец, но он тут же словил ответный удар кулаком в челюсть, и прежде чем успел опомниться, стальные пальцы сжали его уши.

– В общем так, кобелина бы кусачая, еще раз мне зубки покажешь, и я их своими руками от по одному вырву! Ты мой конь, а я твоя хозяйка! Горячая, но справедливая. Покуда ты мне верой и правдой служишь, так и я тебя ни одному

шайтану туркменскому в обиду не дам! Все понял ли?

Стоявший рядом конюх из рязанских мужиков, видимо, не понял, поскольку взмахнул кнутом, желая приструнить жеребца. Татьяна поймала хвост кнута на лету, намотав себе на руку, а взлетевшее заднее копыто ахалтекинца довершило остальное – отправив незадачливого конюха в долгий перелет до соседнего стога сена.

– Вот, стало быть, и подружились, – девушка бесстрашно обняла коня, целуя его в высокий гордый лоб.

Как вы поняли, все это время старый казак дед Ерошка даже бровью не шевельнул. Он и без того знал, когда и зачем подавать голос, а уж внучке своей, им же воспитанной, доверял безоговорочно. Она подошла, ведя громадного аргамака просто за гриву, без удил и оголовья, послушный конь шел за ней, как жеребенок за строгой мамой...

А минут пять-десять спустя оба наших главных героя заявили верхами на оседланных скакунах, вполне себе довольные собой и ими. Если кто считает лошадей примитивным разумом, идите и убейтесь лбом о стену, мир станет чище. Кони, быть может, в разы круче понимают человека, чем любая собака или кошка. Про крыс молчу. Крысозаводчики, фу-у...

И нет! Я ничего не имею против тех девочек и мальчиков, что покупают в зоомагазине маленькую крыску, как домашнего питомца. В этом нет ни на грош никаких проблем! Но как ни верти, крыса это развлечение, живая игрушка, а вот

лошадь... Лошадь – это космос!

В общем, после обеда, когда солнце только-только перевалило зенит, четверо всадников покинули лагерь генерала Ермолова. Их путь лежал вдоль Линии, потом верст на десять назад и в сторону, а может и больше, где по расписанию движения они должны были пересечься с царским конвоем и полноценно вступить в охрану юного князя.

Так-то вроде ничего сложного, но в узких, горных ущельях, на поворотах троп, под водопадами, никто и никогда не был застрахован от засады, когда из-за поворота дороги или кустов вылетали вольные абреки, не подчинявшиеся ни России, ни Турции, ни Англии, ни местным религиозным лидерам, и нападали на все, что шевелится! И очень долгое время их никто не мог остановить, именно потому, что они никому и не подчинялись...

А что, должны были? То есть непременно обязаны? С какого, как говорится, северного мха?! Люди, чья собственная жизнь ежедневно висит на волоске, не приучены ценить чужую. Разбойник дорожит разве что своим конем, а самую богатую добычу способен спустить в неприязательном грузинском кабаке в течение одного дня.

Вот на эту непростую и более того, по совести говоря, чрезвычайно опасную дорожку и ступили наши бывшие линейцы. Хотя их ведь по большому счету никто и не спрашивал? Приказ есть приказ. Вопросы по исполнению задаются до, а не во время, не по ходу и уж тем более не задним чис-

ЛОМ.

Разве что один Заурбек Кочесоков время от времени стал в облака: а что мы вообще тут делаем? Ответов на этот довольно простой вопрос ни у кого не было, ни у его спутников, ни у тех же прекрасных, но, по совести говоря, совершенно равнодушных небес...

Ехали, разумеется, в старой, но почищенной одежде, все новенькое и красивое было аккуратно убрано в седельные мешки. Дед Ерошка сразу предупредил, что и конвой царский во всей красе по горам скакать не станет, парадная одежда потому и называется парадной, а им сейчас сподручней что попроще, так чтоб и в мир, и в пир, и божий храм.

Меж тем старая, узкая дорога вела их напрямик к Мертвому аулу, и не заглянуть туда ребята просто не могли. Уж слишком много памятных событий было связано с этим местом, да и днем там фактически безопасно.

– А не отдохнуть ли нам, хлопчики? Что-то я притомилась, да и живот тянет. Может, съела чего, а может, и...

– Мы оба за! – современные парни прекрасно понимали все причины женского «нездоровья», которые практически игнорировались мужчинами прошлых веков.

– Отчего бы и нет, – делая вид, что прошлая рана ни капельки его не беспокоит, согласился дед Ерошка. – Посижу так от на солнышке, кости погрею...

То есть своя причина была у каждого, хотя юная казачка все-таки больше беспокоилась о дедушке, поэтому и подыг-

рывала старику. Конечно, в чем-то все они были правы – днем Мертвый аул не представлял никакой опасности для любого человека.

Запыленные сакли были пусты, дикие звери с опаской обходили это место, стальные соколы или летающие джинны не могли сюда заявиться просто по самому факту своего физического уничтожения. К которому, если вы помните, приложили руки именно наши герои.

А случайные банды вольных абреков были слишком суеверными, чтобы просто так устраивать засады в подобных местах. Тут надо знать психологию кавказцев. Аул Мертвых сам по себе, одним своим названием, отпугивал даже самого отчаянного разбойника, не имеющего комплексов по пролитию крови у живых. Но не у живых мертвецов...

На этот раз в арьергарде ехал старый казак, а его внука с турецкой винтовкой у плеча пустила своего ахалтекинца впереди всех, оба студента с пистолетами наизготовку прикрывали ей спину. Вася, честно говоря, чуть не пристрелил белку, которая облаяла его матом с трехэтажной сосны, крутя маленьким пальчиком у виска. Барлога даже немножечко покраснел от стыда, ему казалось, что он понял каждое слово.

Остановились в центре аула, недалеко от реки, в том самом доме, где уже было дело, они разок держали оборону. Дед Ерошка сползал, а не спрыгнул с седла. Это было бы не так заметно, если бы на его лице не отразилась боль. Татьяна

кинулась к нему как молния, поддержала и, не оборачиваясь, приказала через плечо:

– Воды набрать, огонь развести! Да побыстрее уже, братики...

Это был первый случай, когда она назвала обоих студюзов братьями, на казачий манер. До этого, в худшем случае – дурни, бестолочи, поубиваю нафиг, в лучшем – хлопцы, татарин, офицерик или же по именам. Так что Заур и Василий, бросив ей поводья, безропотно исполнили приказ. Один ринулся собирать хворост с ближайших перелесков, а другой побежал с маленьким походным котелком к реке.

Если точнее, то за водой метнулся Барлога, а за дровишками господин Кочесоков. Вот ей-богу, лучше бы они поменялись местами, но разве веселая судьба, обладающая весьма специфичным чувством юмора, не вправе хоть иногда развлекаться по собственному усмотрению? Но даже если нет, то кто ей запретит, а?

Первокурсник прошелся к ближайшей рощице, хотя мог бы выдернуть пару жердей из овечьей ограды, но по кавказским традициям нельзя было брать чужое из дома в отсутствие хозяина. А домовладельцы появятся тут к ночи и вряд ли будут гостеприимными. Поэтому от греха подальше проще зайти в лес. Зайти-то, как оказалось, проще, а вот выйти...

...Она сидела за столом, лениво водя длинным языком по

доньшику высокого бокала. Зеленая кровь закончилась, можно было бы откупорить и вторую колбу, но приходится следить за фигурой. А чтобы подчиненные членки не задавали лишних вопросов, она просто капризно вздохнула:

– Я все еще голодна.

– О Госпожа, от нашей сестры остались голени и ступни. На юге этого региона из них готовят странное, но популярное блюдо под названием «холодец».

– Никогда не слышала ничего подобного, зайка моя.

– Считается, что это вкусно, – низшая почти перестала дышать.

– Любая из наших сестер не может не быть вкусной, ибо она любила нас. И кто это оспорит?

– Никто, ибо, как вы всегда говорили, дур нет!

– Несите этот ваш холодец...

На самом деле Владычица не так уж была голодна. Просто есть ситуации, когда свое верховенство среди сестер необходимо подчеркивать. Допустим, хорошим аппетитом или требованием подачи двойной порции. На первый взгляд, ничего личного, просто еда.

Однако же членки экипажа смотрят на это и с ужасом думают о той, чья плоть насытит желудок Верховной в следующий раз. Они будут бояться, а страх никогда никого не сплывал, наоборот, каждая сестра старалась показать себя максимально нужной и незаменимой. Власть не должна быть догматичной, иллюзия выбора всегда способ-

ствует ее укреплению.

– С кем-нибудь поделиться?

– Нет, нет, нет!

Тем не менее Госпожа дождалась, пока одна из Низших упадет в обморок, придавив еще одну из сестер. Только после этого она приступила к еде. Медленно, неторопливо и со вкусом, а этот холодец был неплох...

Калужанин, сбив фуражку на взмокший затылок, бодренько добежал до горной реки и даже успел набрать в котелок чистой воды, когда серый валун на берегу вдруг соединился с тремя-четырьмя такими же и соизволил выпрямиться. Перед обалдевшим Василием встал трехметровый толстый мужик, совершенно голый, с копной черных волос, классическим баклажановым носом, огромными выразительными глазами и полной пастью кривых зубов.

– Я дэв! – на практически чистом русском, с минимальным акцентом проревел он, стуча себя в кудрявую грудь с ожерельем из человеческих черепов. – А ти кто?

– Никто, Вася, так мимо проходил и дальше прохожу.

– Сюда стой, Никто-Вася! Отдай мне своя жизнь или загадка разгадать должный!

– Перехвалил, – чуть ли не вслух озвучил Барлога собственные мысли. – У гражданина практически нет проблем с произношением, но спряжения и склонения прям вот беда...

– Загадка гадай!

– Моя твоя загадай или твоя моя? – на всякий случай, в той же манере переспросил парень...

– Моя! – взревел дэв, трясая головой так, что черепушки начали испуганно перестукиваться лбами. – Никто-Вася, моя не угадай, я Никто-Васю жрать буду, кровь пить буду, печень есть буду, ай! Или любофь, а?

– Ты из Армении, что ли?

– Как угадал, мудрейший?

– Не важно, бро. Ну, давай, жги!

Страха Барлога не испытывал, за последнюю неделю он в этих краях такого и всякого понасмотрелся, что сам бы мог любого напугать одними рассказами.

Тем более что всерьез бояться сказочного армянского дэва как-то не научно для будущего историка. В душе все еще теплилась робкая надежда на толпу веселых пранкеров, выскакивающих из кустов с криком: «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!»

Но в данный момент улыбался дэв, облизывая черным языком пухлые армянские губы:

– Утром он встал, вечером сел?

– Солнце.

– Никто-Вася знал, что ли? – едва ли не обиделся дэв.

– Я тя умоляю, детский сад какой-то, – Василий утомленно покачал головой. – Ладно, держи загадку твоего уровня: «Сидит девица в земле, а коса на улице»?

– А эта легко! Абрек украл красавица, в подземелье поса-

дил, за коса тянет, смешно, да?!

– И близко нет. Даю подсказку, бро, это корень.

– Какой корень, а?

– Ну не квадратный же из тысячи семьсот двадцати двух!

Съедобный корень.

Страшный монстр впал в глубокое размышление. Наш герой вновь взял наполненный котелок и, поправив фуражку, предложил:

– Ты это, бро, думай, не торопись. Если что, я в ауле буду, там один приметный домик, прямо по центру...

Договорить не получилось, потому что навстречу Барлоге быстрым шагом, если не сказать бегом, неся Заурбек Кочесок с большущей вязанкой сухих ветвей на спине. В пяти-шести шагах за его спиной странными кувырками передвигалось еще одно маловразумительное лесное чудовище.

Тоже голый, тощий как детский самокат, ростом в те же три метра, нос длинный и весь в бородавках, бороденка козлиная, плечи узкие, но пальцы рук и ног длинные, как школьные линейка. Пожалуй, на этом моменте нам стоило бы ориентироваться на рассказ первокурсника из Владикавказа. Благо сам ритм нашей повести позволяет и не такие вольности с текстом.

...В общем, как все уже знают, ребята разделились. Стройный черкес в грязной черкеске (прости, господи, за масло масленое...) поперся в лес за хворостом. И успел со-

брать немалую вязанку, кстати.

Из всего оружия он имел лишь неизменный для кавказца кинжал на поясе. Простой, без серебра, но острый и надежный. Его он и выхватил из ножен, когда вдруг сухой, трухлявый пень зашевелился, взглянув на первокурсника пронзительными синими глазами.

– Помнишь меня, о Никто? – По ходу дела молодой человек даже испугаться толком не успел, когда длинные, похожие на древесные корни пальцы цапнули его за плечи. – Ты меня обманул, э? Ты меня, э, высмеял перед моими братьями. Ты думал, я тебя не найду, о Никто? А я нашел, я ждал десять лет, но я нашел, э...

– Минуточку, гражданин! Во-первых, вы меня с кем-то путаете, а во-вторых, вы, собственно, кто?

– Имя мне шурале!

– Туплю, как Вася, – честно признался самому Заур. – Но если я хоть как-то помню сказки народов России, то вы ведь должны быть героем татарских мифов? Это про вас Габдулла Тукай писал, так чего вы у нас на Кавказе забыли, э?

Пень выпрямился, встал во весь немалый рост, оказавшись не древесным чучелом, но кем-то вроде очень злого лешего, существа, с которым бы вы нипочем не захотели встретиться в глухой чаще. Стальной кинжал тут явно был бесполезен. Вот если бы бензопила, тогда еще да, и то не факт...

– О, я шел по твоему следу очень долго, – шурале закатил глаза, пустившись в сентиментальные воспоминания. – Шел

через степи, леса, пустыни и горы, я даже реки переплывал, хоть и мыться не люблю. Но вот и ты, Никто, я узнал тебя! Э...

– Что «э»?

– Хочешь знать, как ты умрешь, э?

– Наверное, со скуки, – грустно вздохнул нетерпеливый студент. – Ваши предложения по сути дела какие?

– Чтобы даром не тратить твою вкусную кровь... э-э... я задушу тебя своим волосом из бороды, крепче которого нет ничего на свете! Потом закопаю тебя... э-э... в мох, а когда выкопаю, ты уже начнешь... э... немножечко гнить, станешь совсем мягкий, я начну тебя есть с живота, там газы, так пахнет, уа-ах...

– Глупости, – решительно обрезал Заурбек, убирая кинжал в ножны и поправляя папаху. – Чтобы кровь была вкусной, ее нужно насытить кислородом, а для этого я должен убежать, а вы меня догонять.

– Куда ты, э, от меня убежишь? Один мой шаг, как три твоих!

– Ну, логично было бы немного уравнивать шансы, так интересное. Добычу нужно ловить, а не брать в супермаркете на полке.

– Где, э?

– Неважно, – студент-историк вновь достал кинжал. – Смотри сюда, отрезаем два длинных волоска из твоей бороды. Ух ты, действительно, как проволока, даже сталь едва

берет...

– А я чем горжусь, э? Такого крепкого волоса ни у кого нет!

– Уважаю, слово чести, – Заур, не прекращая болтовни, быстро связал морским узлом большой палец левой руки шурале с большим пальцем правой ноги и наоборот. – Так не туго?

– Нет, а что ты делаешь, о Никто?

– Помогаю тебе в азартности погони и выработке адреналина. Теперь мы равны по скорости, я убегаю, ты догоняешь.

– О, Никто, это я понял, но зачем ты привязал мои пальцы к другим пальцам, э?

– Потому что не надо тупить, э? – тепло улыбнулся молодой человек, вскинул на спину вязанку собранного хвороста и припустил из леса.

Матюкающийся на татарском шурале бросился было следом, но тут же хряпнулся носом в пень – оказывается, бегать в такой веселой связке непросто, а порвать собственный волос не мог даже он...

– Никто обманул меня, э! Никто опять убежал! Я тебя поймаю, э, Никто-о!

...Таким образом, где-то посередине узкой улочки Кочесоков едва не сбил Барлогу. Оба вовремя остановились, перевели дух и скрылись за забором, а спешившие им вслед татарский шурале с армянским дэвом столкнулись практически нос в нос, как два танкера с нефтью в Суэцком канале.

По крайней мере, грохот был точно такой же. Пока они пытались выяснить, кто тут кто, наши аферисты тихонечко, в обход доставили хворост и воду. После чего на всякий случай поздравили друг друга с победой и заорали едва ли в один голос:

– Дедушка Ерощка, у вас тут по аулу настоящий армянский дэв разгуливает!

– И шурале из татарских сказок, хотя ему здесь и не место.

– Огнище, короче! Татьяна, пошли вместе смотреть?

– Дедуль, можно? – взмолилась девушка, прижимая руки к груди.

Старый казак добродушно качнул бородой, бегите, посмотрите, развейтесь на свежем воздухе, дело-то молодое. После ранения ему все еще требовался отдых, в те времена нечасто доживали и до сорока, а уж человек за шестьдесят вообще был редким долгожителем.

Когда вся веселая компания перебежками, соблюдая все меры осторожности, вышла на нужную улицу, там уже никого не было. Дэв просто унес шурале к реке, и там они вместе пытались развязать узлы на пальцах наивного татарского лешего. Но пальцы у дэва были толстыми, а зубы тупыми, так что обоим оставалось лишь скорбно жаловаться на судьбу...

– Никто-Вася загадка гадал, девушка в земле сидит, волос плетеный на улица лежит.

– Вот только про волос... э-э... не надо, пожалуйста...

– Извини, случайно вышел. Я ей говорил, что пленница

в яма лежит, а Никто мне – корень этот какой-то! Вот ты отгадка знаешь, э?

– Знаю, это морковка.

– Э-э, который в суп? Нечестно. Обманул меня.

– Меня тоже Никто обманул. Второй раз, э! Наши говорят, кто тебе пальцы зажал, я им отвечаю, честно, Никто! Они – кто? Я – Никто-о! Надо мной все смеются, э...

– Плохой твой Никто, и мой Никто-Вася плохой?

– Все плохие, а мы с тобой страдаем...

– Я так больше не могу, – резко вскочил в полный рост Заур Кочесоков. – Во-первых, у меня есть имя! Во-вторых, не я его обманул, а неизвестный татарин-дровосек в сказках Тукая, мне еще бабушка читала. И да, хитрый мужик назвался Никто, чтобы потом его нельзя было найти, идентифицировать и призвать к ответу. Но как же это все нечестно-о...

– Минуточку, я, между прочим, тоже Никто-Вася получаюсь, – Василий попытался поймать друга за руку, но гибкий, как лоза, владикавказец легко выкрутился.

Красавица казачка вообще не вмешивалась, ей и без того было жутко интересно, чем оно все закончится. А первокурсник, сбив папаху на брови, решительным шагом направился вперед, встал напротив изумленного шурале и в четыре режущих удара рассек его неразрываемый волос. Все-таки знаменитая атагинская сталь не зря взыскала свою славу.

– Никто меня отпустил? – в синих глазах татарского лучшего блеснула слеза. – Я свободен, э?

– «Как ветер в кудрях загулявшей красотки...» – кивнув, поэтично процитировал Заур. – И да, вы оба постарайтесь больше не приставать к случайным прохожим, гоп-стоп давно не в моде. Трудоустройтесь куда-нибудь, что ли...

Шурале упал на колени, кланяясь в знак благодарности, армянский дэв неуверенно облизнулся и без всякого намека на агрессию вежливо спросил:

– А другая Никто-Вася здесь не ходит? Я его загадка гадал, морковка это! Я выиграл?

– Ты проиграл, – громко заявил Барлога, неожиданно появляясь во весь рост на плоской крыше соседнего дома.

В правой руке его был зажат длинный кремневый пистолет, и, прежде чем все успели хоть как-то осознать происходящее, грохнул выстрел! Причем больше всех удивился как раз таки сам Василий, наблюдавший всю картину на пару с Татьяной из-за забора, а обалдевший дэв осторожно коснулся толстыми пальцами круглой дырки в мочке волосатого уха.

– Кровь капает, Никто-Вася больно сделал. Зачем, вай? Я же его загадка гадал.

– Ты что творишь, сукин сын?! – вспыхнул опомнившийся Барлога, чуть не плача от обиды, потому что ему явно было больнее, чем дэву. – Ты как посмел быть мной? Я же тебя в асфальт закатаю за такие вещи! Я из тебя хачапури по-аджарски сделаю, лодочкой и с яичком! Я твоей мордой бесстыжей прямо сейчас всю улицу отполирую! Я же прямо тут,

не стесняясь присутствующих здесь дам-с, вот этим кулаком такую с тобой противоестественную непотребность сотворю, что весь ЛГБТ самораспустится с позором! Я тебя прямо тут Зауркиным кинжалом по самую шею кастрирую, я...

– Который плохой? – дэв перемигнулся с шурале и, получив ответ, просто дунул в одну ноздрю.

Лже-Василия снесло с крыши, как пушинку, впечатав спиной в полуразрушенную башню, на другом конце Мертвого аула.

Естественно, все бросились к нему наперегонки, но не успел никто. На сухой земле остался валяться лишь дорогой разряженный пистолет в серебре, закубанской отделки, да одна медная пуговица с пехотного мундира. Как оказалось позднее, лишь татарский леший краем глаза успел заметить исчезающий в щели между камней хвост серой ящерицы или змеи, но не придал этому никакого значения. Такого добра здесь всегда хватало...

В общем, когда все немножечко подуспокоились, второкursник признал «ничью» в поединке по разгадыванию загадок, обменялся с противником уважительным рукопожатием и даже умудрился подвесить найденный пистолет в аккуратную дырку в ухе дэва. Получилась оригинальная и эффектная серебряная серьга, чем старательно восхитились все.

Кочесокову тоже пришлось отдариться перед своим новым знакомцем, и хоть кинжал он ему, разумеется, не отдал,

перевесив на кусок обыкновенной веревки, но зато тощий шурале украсил свою талию тонким кожаным пояском с железными, но посеребренными бляшками.

Дэв в свою очередь подарил Василию два зуба, небрежно выдернутых из висящих на шее черепов. Потом улыбнулся во всю пасть и сказал:

– Два раз ми играли, два раз меня зови, на землю зуб бросал – а я пришел! Смогу, спасу. Но только два! Зуб нет, тогда все...

– Услышал, понял, принял, бро!

– Или любофь, э?

– Иди в задницу!

Барлога скрепя сердце сложил два гнилых, желтых подарочка в карман. Тоскливо бросил взгляд на казачку, она молча сдвинула брови, так что ему по кавказским обычаям пришлось еще и поклониться в пояс, от сердца благодаря нового «кунака».

Аналогичным образом поступил и татарский гость. Шурале отломил кусочек коры от собственного бедра, вытряхнул из него муравьев и личинок, а потом щедрым жестом протянул молодому черкесу.

– Немного откуси, разжуй и плюнь! Скажи: «Шурале, шурале, за тобой первый долг...» Я приду, что смогу, все для тебя сделаю. Но лишь два раза, потом хоть обплюйся...

Побледневшего Заурбека, с ужасом представившего, как он будет жевать и выплевывать сухую кору, бывшую когда-то

телом существа с внешностью осинового пенька-переростка, едва не стошнило там же. Но повинувшись строгому взгляду девушки, он тоже взял себя в руки, сипло выдавив «псиба»!

После чего дэв из Еревана и шурале из Казани, игриво взявшись за руки, ушли в сторону реки, а наши герои, почесав в затылке, собрались было в обратный путь, когда из-за ближайшего валуна раздался тихий смех. Татьяна мгновенно развернулась с двумя каретными пистолетами в руках и раздраженно топнула каблучком:

– Дедуль, ну ты хоть трохи совести-то поимей!

Чуть не шамальнула ить...

– Дед Ерошка? – не поверили молодые люди, и старый казак, будучи до этого момента не замеченным никем и никак, встал с земли.

– А чегой-то мне дома сидеть, коли у вас тут одно сплошное представление? Почитай, от цирк с конями! Я-то еще первого выстрелу лыжи наострил, да потом и раздумался, чо не дать хлопцам самим разобраться? Да и от разобрались же, анчутки эндакие...

После короткого разбора полетов, общего смеха, общих подзатыльников все честной компанией направились к месту своей временной дислокации. Благо идти было недалеко, Заур с Василием прошли вперед, перешептываясь на предмет тайного избавления от чудесных подарков, а казаки неспешно следовали сзади.

– От и давай, внученька, не томи. Режь ужо.

– Ну, я тут погуторить хотела...

– Замуж собираешься, чо ли?

– Да ты с дубу рухнул, дедуль?!

– Ну, тады и интересу нетуть...

– А вот мне шибко интересно, кто энти твари, что облик людской принимают? Как их различать-то? Они и речь, и походку, и жест любой, все воедино слизывают. Вдруг встанешь поутру, а ты и не ты, или я не я! Как нам их бить-то, дедушка?

Старый казак проворчал под нос нечто невразумительное, но сходное по ощущениям с «лучше б ты замуж собралась». Ответа он не знал, разве что можно было бы вспомнить, что генерал Ермолов проверял ребят прикосновением к серебру, но...

– Заурка, друг сердечный, да я, как ты выражаешься, мамой клянусь, но тот пистолет и которого я, который типа не я, а то есть, вообще по факту, фиг знает кто, дэву в ухо стрелял, так он был в серебре! Аргентумус, но не плюмбумус!

– Вася, дорогой, можно фразы складывать чуть покороче и желательно по-русски, плиз?

– Ермолов говорил, что те оборотни боятся серебра, а пистолет был отделан именно серебром.

– Кубачинская работа, я видел.

– Вот именно, а значит, с опознанием у нас облом-с...

– Послушайте, – на минуту первокурсник задержал шаг, поймав старшего товарища за левый эполет. – А у вас не бы-

ло ощущения, что мы вообще попали не туда?

– Шикардос...

– Это как посмотреть. Вот мы с вами, Татьяна и ее дед – реальность. Ермолов, русская армия, Кавказ – реальность. Анунаки, космический корабль, роботы – тоже реальность, но только вот дэв и шурале из всего этого выбиваются. Словно бы в прошлый раз мы тут играли на сцене научную фантастику, а теперь нас сунули носом в сказки народов России. Почему? С какой целью? И самое главное, вы уверены, что мы с вами это все еще мы?

Барлога отцепил его пальцы от края позолоченных погон подпоручика, утомленно пожал плечами, задрав голову к небу, и, ни сказав ни слова, двинулся дальше. Нет, не то чтоб он был дурак и ни хрена не понял. Нет. И уж тем более его нельзя было назвать невнимательным или рассеянным человеком. Безалаберным, пожалуй, да, шалопутным, нетерпеливым, порой шумным или даже бестактным, но все это тоже ведь не каждый раз. Но по-любому не дураком, согласны?

Просто сегодня Василий категорически не хотел ни во что углубляться с головой. Ему реально нравилось здесь! Нравился сам антураж волшебного, мистического и сказочного мира обрывистых скал и троп, проживающих здесь людей и нечисти, солдат и казаков, горячих джигитов и прекрасных девушек, звон шашек и грохот пушек, когда бессмертные строки Михаила Лермонтова буквально обретали вкус на губах.

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих пор
Все небо юга да утесы гор...

Что из всего этого он мог ожидать встретить в урбанизированной Москве или родной, уютной, полусонной Калуге? Работа рядовым преподавателем истории в школе, колледже, университете? Тупые или проплаченные ученики, тринадцатая зарплата, жена, собака и дети, незаметный карьерный рост, аж до старшего преподавателя, сериалы по вечерам, отдых в Геленджике или Анапе, защита диссертации по папиной протекции, ученая степень и... и... что же еще?! А ничего!

Барлога скрипнул зубами, сбился с шага, чуть не упав, но был вовремя поддержан под локоть младшим товарищем. Но не Зауром Кочесоковым, если вы уже поняли...

...Первое время никто даже не мог обсуждать тот явный факт, что Владычица жрет своих. И речь тут вовсе не о каких-либо моральных или этических комплексах. Каннибализм нунгалиан был весьма избирателен, и осуждать Госпожу было просто не за что, да и некому. Ну, в том смысле, что все остальные члены экипажа прекрасно понимали –

будь они на ее месте, то поступали бы точно так же.

А как иначе?

Это грубые мужланьы из анунаков направляли свои корабли в межгалактическое плавание, ориентируясь исключительно на варварскую добычу! Причем, с их точки зрения, лучшие всего продавалась человеческая кровь и золото. Нет, разумеется, не только человеческой, но уж тут правила диктует свободный рынок.

Нунгалиане шли другим путем. Они не ломали окружающий мир, а мягкой силой переделывали его под свои нужды. Что является главным для их расы, из чего будет построено будущее, что выйдет на первый план? Золото и кровь? Нет.

Нефть всегда важнее любой крови, точно так же, как запасы газа мощнее запасов нефти, и вот о чем надо думать перспективным хозяевам планеты Земля!

Да, название, разумеется, условное. По факту любую пригодную для жизни планету можно назвать Землей. Ну, допустим, Земля-один, Земля-два и так далее. Главное, чтобы на тот момент все, абсолютно все местные жители были только на нашей стороне.

Ибо в противном случае они обречены...

Но если посмотреть на проблему с точки зрения разума чуть более развитого, чем земной примитив, то сразу становится ясно – именно нунгалиане куда лучшие хозяева для человечества, чем анунаки! И в этом четко прослеживалась

разница между мужской и женской логикой, между силой и хитростью, между грубостью и лаской, между напором и мнимой уступчивостью.

Да, разумеется, никто не идеален. И да, возможно, если бы землянам самим позволили выбирать себе инопланетных господ, всемирное голосование наверняка бы определило анунаков. Просто потому, что большинство мужчин выбрало бы себе подобных, кто же позволит, чтоб целой планетой управляла Верховная?

Поэтому права выбора людям не давали. Не доросли еще. А какой неокрепший разум, вообще, может отказаться от господства над собой...

– Фася, дорогой кунак, как я скусал, как скусал! Тай поцелую! Фы оба ушли, красафица Таня-ханум с кинжалом ушла, дедушка уфажаемый Ерошка с Измаил-беем ушел, фсе бросили бедного Ахметку! Один, софсем один, остался-я...

Маленький горбоносый шайтан с блуждающим дефектом речи, в огромной черной папахе, драной черкеске и традиционно без штанов, повис у старшего студента на поясе, страстно целуя его прямо в пуговицы мундира.

– Ах ты ж, душнила небритая! Ты откуда тут взялся?

– Так фаш дедушка попросил за лосадками посмотреть, пока он куда-то за фами пошел. Я посмотрел, мне шалко, что ли? Хоросие лосадки, кроме вон того, тосего, – нечи-

стый ткнул пальцем в сторону нервно прижавшего уши ахалтекинца. – Три раза укусить меня хотел, не конь, а собака какая-то злая...

– При Татьяне не говори, – успел предупредить Заур, и сообразительный кунак двух московских студентов мгновенно расплылся в широченной улыбке, распахивая объятия навстречу подошедшей девушке:

– Такой ласкофый конь, красифый, слофно моя мама, ножки – лоза, шея лебединая, жифой огонь, как в тандыре! Можно покататься, щуть-щуть, а?

– А чего ж нет? – охотно разрешила казачка. – Попробуй, сядь.

– Ну, фот, нельзя так нельзя, я и не обиделся ни разу! Дафай тебя поцелую!

Татьяна демонстративно встала рядом с ахалтекинцем, и еще раз глянув в голубые глаза благородного коня, маленький шайтан вдруг резко передумал целоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.